

ВЕРИТЬ В МЕЧТУ

Колька не отходит от деда ни на шаг. Куда старый стопы направит, туда и малый хвостиком тянется. Дед в огород или на завалинку, внук следом. Дед баню топить, Колька уже рядом, лучину подаёт, пропавшие спички первым находит.

– Да вот же они, деда, неужели не видишь?

– Слеповат я уже, Кольша. Вся надежда на вас, молодых да взрослых, – с хитринкой в слезящихся прищуренных глазах добродушно отвечает дед Андрей.

– И совсем ты не слепой, деда. Я же видел, как ты ловко ниткой в иголку попал, когда старые валенки подшивал мне. А мама говорила выкинуть, выкинуть. Теперь как новые!

Дед ласково обнимает внука, гладит сухонькой шершавой ладонью по пшеничным мягким волосам. Колька и рад, обеими руками обхватывает старика, так и висит на нём, не отпуская.

– Зашумела, родная, – дед Андрей плотно прижимает дверцу топки и слегка прикрывает поддувало.

Неразлучники выходят из предбанника и садятся на дощатые, выбеленные дождём ступеньки.

– Деда, а когда на рыбалку?

Дед притворно вздыхает, не спеша оглаживает редкую седую бородёнку и, прикладывая ладонь ко лбу, вскидывает взгляд к закату солнцу.

– Не, Кольша, нынче клёву не быть. Смурнеет. Во-он облака из-за бора заходят. Вот завтреца точно порыбалим.

– Так ты и вчера говорил, что завтреца, – не унимается Колька, теребя старого за рукав. – А пару дней назад, мол, давление не то, и морянка¹ надвигается, – копируя стариковский говор, с напускной важностью произносит мальчуган и лукаво смотрит собеседнику в глаза. Пообвыкнув в деревне день другой, Колька даже думать начинает на дедовский лад, с удовольствием пользуясь его необычными словечками.

Дед, казалось, не замечает иронию внука.

– Порыбалим, Кольша, порыбалим...

Дмитрий КАЮШКИН родился в 1966 году. Окончил Суворовское военное училище и Тихоокеанское ВВМУ им. С.О. Макарова во Владивостоке. Служил на боевых кораблях Балтийского и Тихоокеанского флотов, офицер запаса. Автор двух книг прозы. Руководитель литературной студии «Аспект».

Живёт в Бийске.

Колька уже знает, что вытащить деда на желанную рыбалку – дело невыполнимое...

– Да слушай ты меньше, Коленька, этого старого балабола, – обычно на самом интересном прерывает байки деда баба Шура.

Колька пытается выбросить наваждение из головы. Не получается. Огромные голавли стоят перед глазами, рвут леску, бьют мощными хвостами и плавниками по глади тёмных омутов, вытянутые на берег, трепыхаются на лугу, норвя отчаянными кульбитами вновь добраться до воды и скрыться в глубинах. А рядом с трофеями – он, Колька – матёрый рыбак и добытчик. Откроет глаза, тряхнёт головой и снова вопьётся взглядом в деда. Так бы и слушал, не переслушал.

– Он ведь, поди, и позабыл, когда последний раз рыбу-то удил. Всё в мастерской своей да по саду. А ежели за калитку, так одна дорога – за четком, до лавки, – продолжает баба Шура. – Другие-то, вон, с речки не вылазют.

И не понять Кольке, то ли хвалит и гордится стариком, то ли строится.

– Эко ты, бабка, понапраслину на меня наводишь, – встрепенётся дед. – А сома пудового, что на Яблочный спас добыл, запомятовала?

– Так когда это было, – всплеснёт руками бабуся. – Почитай, с десяток годков минуло. Тогда ж и отдал Митрофану барахло своё, рыбацкое.

– Но было же, – упрямо не сдается дед

– Да ну тебя, – отмахнётся баба Шура. – Ты лучше, внучок, молочка парного откушай, – наливает Кольке стакан доверху.

Мальчишка облакачивается на стол, поджимает кулаками щёки и любит старческой перепалкой. И становится ему тепло и уютно, словно у себя дома, в городе...

– Ну что, Кольша, баньку затопили. Через часок готова будет. Не пора ли горло сполоснуть?

Колька насторожился.

– Опять кваску, деда?

– А то как же, его родимого, пора стаканчик пропустить.

– Может, не надо? – озабоченно произнёс Колька. – После бани бабуля и так нальёт тебе...

...Без своего любимого кваска дед и дня провести не может. Квасок не простой, особенный. Хранят его в подполе, на полочке, в огромном стеклянном бутылке. По праздникам и выходным баба Шура осторожно спускается по ступенькам, наполняет кваском расписной графинчик и водружает на обеденный стол. Дед тут же наливает гранёную стограммовую стопку и, не отрываясь, мелкими глотками, будто смакуя содержимое, пропускает внутрь. Усталые глаза медленно застилает мечтательная поволока, и даже глубокие морщины, казалось, расправляются на одухотворённом лице. После дед неторопливо наливает вторую и ставит перед собой, а сам в расслабляющем блаженстве откидывается на спинку стула.

Вот тут-то и наступает благословенная пора для Кольки. Воспоминания и байки льются из уст деда рекой. Более преданного слушателя, чем внук, ни за что не найти. Баба Шура демонстративно отворачивается, будто отказывается быть причастной к греховному

питию, и продолжает хлопотать у печи. Но краем глаза всё подмечает. Лишь только дед, прервав на мгновение красноречивый поток, тянет руку за стопкой, резко оборачивается и нарочито ворчливо бросает:

– А ну, охолопись, старый. Вот стол накрою, тогда и выпьешь.

Впрочем, вся это сердитость, скорее привычная, такая же обыденная, как и сам графинчик на столе.

Колька глазастый да сообразительный. Прекрасно понимает, что за квасок и почему цвет у него беловатый и мутноватый. Дрожжевой дух ни с чем не перепутать. Хоть и слушает деда, раскрыв рот, но душою на стороне бабушки.

Колька в своей семье – единственный мужчина. Уже восемь годков стукнуло, во второй класс нынче пойдёт. Меньшая сестричка в городе, под присмотром мамы. Ей работать надо и семью кормить. А Кольку на лето в деревню к бабушке и дедушке отправляет. Погостить, подальше от новомодных гаджетов: планшетов и телефонов. Впрочем, в деревне мальчишка и так каждый год бывает. Но именно в этот раз осознаёт, что вырос и повзрослел. Не то, что в прошлые года, – беспечность, игрушки да песочница у забора.

Колька всё знает про вред пагубной привычки. Из-за неё расстались мать с отцом. Мать не скрывает своей жёсткой нетерпимости к любому «кваску». При ней бабушка в подпол ни ногой. И дед, хоть побряхтывает в кулак демонстративно, а высказать своё желание вслух не решается...

...Безгранична любовь и привязанность внука к деду, ни в чём отказать ему не может.

Вот и сейчас дед с мольбою посмотрел на Кольку. Больная спина не позволяла спуститься в погреб.

– Ты уж, Кольша, нацеди мне стаканчик, в последний раз, – ласково попросил дед.

– Эх, деда, деда! Но только в последний раз, – с укоризной повзрослому ответил Колька и подорвался с места.

Знали оба, что влетит за самоуправством от бабы Шуры, но мужская солидарность превыше всего.

Пока банька топилась, дед с внуком прошлись по саду. У деда после кваска вся усталость пропала, видимо, второе дыхание открылось. Даже поступь стала твёрже и уверенней.

Остановились возле яблоньки, усыпанной зелёными плодами. Дед заботливо подоткнул рогатиной отяжёлённую ранетками ветвь. Придержал её в руках, бережно провёл ладонью по листочкам, яблочкам, будто смахивал невидимую пыль.

– А пошто ты яблоньку гладишь? – удивлённо спросил Колька. – Она же не чувствует.

– Чувствует, Кольша, ещё как чувствует. И прикосновение моё и беседу нашу слушает. Попробуй сам.

Колька поднёс руку и нарочито медленно провёл ладонью по ветке. Словно в ответ затрепетали листья, закачались гроздья плодов. Дед значимо посмотрел на внука.

– Так это же ветерок подул, – не поверил Колька.

– Вот и нет. Это яблоня благодарит тебя за ласку. Всё живое заботу ценит и на доброе слово отзывчиво.

Мальчишка недоверчиво ещё раз прикоснулся к яблоне и впился взглядом в собеседника. Дед лишь по-доброму улыбнулся и накрыл

тёплой ладонью мальчишескую ладошку.

Минувя ухоженные грядки и густо усыпанные зрелой ягодой кусты крыжовника и смородины, внук с дедом подошли с тыльной стороны дома к пристрою из потемневшего от времени бруса. Сердце у Кольки гулко заколотилось. Старик расстегнул верхнюю пуговицу, неторопливо извлёк из-под полотняной рубахи серебряный ключ на тряпичной ленте. Отомкнув амбарный замок, распахнул дверь.

Колька не удержался от любопытства и просунул голову под руку деда. Взору открылась таинственная мастерская. Последние лучи заходящего солнца озаряли резные полочки, вразнобой заставленные склянками с красками, лаками, кисточками. Между ними мелькали скрюченные тюбики с потёртыми от времени надписями. У маленького окошка приткнулся стол с широкой дубовой столешницей, некогда пропитанной лаком. Сейчас лак местами стёрся, покрылся зарубинами, сколами. На поверхности хаотично сгрудились разношёрстные коробочки, тарелки, чаши, наполненные всякой всячиной. В одних лежали сосновые и еловые шишки, в других кварцевый песок, в третьих камушки и галька различных цветов и размеров. Из полированного до блеска деревянного стакана выглядывали ручками вверх не известные Кольке инструменты. Некоторые из них, судя по всему, брошенные в спешке и перевёрнутые, вертикально торчали заточенными лезвиями и напоминали миниатюрные стамески или резцы. В царящем вокруг творческом беспорядке Колька

чувствовал неуловимое притяжение и внутренний трепет. Нестерпимо хотелось дотронуться до всего сразу, поддержать в руках, почувствовать сопричастность к неведомому ремеслу.

Взгляд молниеносно рыскал из стороны в сторону, перескакивал с одного предмета на другой. В углу хаотично громоздились куски бересты, коры, древесины, причудливо изогнутые корневища. Чуть в стороне возвышалось и вовсе неизвестное устройство, высотой почти в Колькин рост. На четырёх ножках покоился лоток, поперёк которого крепился на валу каменный диск, напоминающий жернов. Колька видел такой же, только огромных размеров, на старой полуразрушенной мельнице. Книзу от вала, минувя рычажок, опускался стальной канатик и пропадал под деревянной педалью.

– Деда, деда... – переполненный эмоциями затарахтел Колька.

Старик отступил в сторону, пропуская внука вперёд. Мальчишка неуверенно сделал шаг, глубоко вдохнул...

– А-апчхи! – звонко разнеслось на всю мастерскую.

Вязкий пыльный воздух невидимо колыхнулся, ударяя в нос запахами древесной стружки, красок и ещё чего-то непонятного, но придающего атмосфере созидательного хаоса ещё больше загадочности, очарования и даже уюта.

Вход в мастерскую посторонним издавна заказан. Никому из домочадцев не позволялось присутствовать в святой святых пожилого мастера. Прошлым летом Колька пытался проникнуть в пристрой. Но дед оставался непреклонным в своём творческом одиночестве.

–... Что это за штука, для чего? – нетерпение нарастало. – Ой, это кто? – Колька замер. Прямо на него со стены смотрела голова сказочного незнакомца.

– А сам-то как видишь?

Мальчишка ещё раз внимательно оглядел поделку... Кряжистый чернёный пень. На нём выгнулся крючковатым носом заострённый сук. По бокам глазницы из древесных пятаков, умело подведённых рукою мастера. Во все стороны, извиваясь и переплетая друг друга, нисходили шупальца некогда раскидистого корневища, напоминающие путаную шевелюру лесного чудища.

– Водяной! – выпалил Колька на одном дыхании. – Или леший! Я в сказках по телеку такого видел!

– Скорее, леший, – ухмыльнулся дед.

– Здоровско, прям настоящий!

Гордый произведённым впечатлением, старик приосанился, деловито подоткнул руки в пояс, словно и не ждал иной реакции от заворожённого внука.

– Наждак или точило, – опережая Колькин вопрос, произнёс дед и кивнул в сторону механизма с диском.

– Можно, деда? – Колька поднёс ногу к педали.

– Жми, – скомандовал дед.

Диск тонко зашелестел, не издавая ни единого скрипа. Вода из лотка прыснула мальчишке в лицо. И старый и малый дружно рассмеялись.

Довольный Колька продолжил качать педаль. Дед взял с подставки маленькую стамеску и лезвием приложил к вращающемуся камню. Шелест сменился зудящим

жужжанием. Из-под руки брызнули редкие искры...

– Вот и резцы сладили. Куды ж мне без помощника.

– Научишь поделки делать?

– Научить-то научу, Кольша. Я и сам всю жисть учусь. А тебе, пострелёнку, усидчивость надобна. Можя, и будет толк, – дед сверху вниз окинул взглядом внука и сурово свёл брови, едва сдерживаясь, чтобы не засмеяться.

– Строжить будешь, деда? – Колька вздёрнул острый подбородок и попытался сдвинуть брови, подыгрывая старику.

– А то, – игриво пригрозил пальцем дед. – Не всё ж тебе кваском меня попрекать, – не выдержав, рассмеялся и обнял внука...

...Кольке хорошо с дедом. Спокойно, надёжно, иногда весело и всякий раз познавательно. С первого взгляда друг друга понимают. Достаточно одному в глаза другого посмотреть, и вот уже все помыслы каждого на лице читаются. И эмоции, и желания...

Но Колька не забывает: пройдёт лето, вернётся в город и снова станет единственным мужчиной в семье. А мужчина – он за всё в ответе: и за маму, и за сестричку, и за хозяйство городское. Это сейчас можно почувствовать себя слабым и беззащитным перед дедом с бабушкой. Но, нет, даже такого позволить нельзя. Иначе совестно будет. Для себя он уже давно решил: не дожидаясь деда, пойдёт завтра на рыбалку. Хоть и не был ни разу, но ничего, не страшно, всему научится. Докажет старикам, что он уже не тот Колюшка, которой голыми пятками сверкал да с машинками игрался, а настоящий мужчина-добытчик...

...Колька ещё раз пробежал взглядом по мастерской. Задержался на полочке, заставленной искусными поделками. Здесь и забавные домовята из дерева, со смешными мордочками, изящные русалки с игриво выгнутыми хвостами, кубки и чаши, оправленные тончайшей медью с незнакомой вязью. Даже змей-искуситель из Ветхого завета обвивает ствол райского дерева с яблоками...

...Колька знаком с Библией. У него дома, в городе, на книжной полке стоит «Библия для детей». А вот баба Шура про Ветхий завет и слышать не желает.

– Греховная эта книжка, Колюшка, – иногда приговаривает баба Шура. – Ты лучше молитвы читай да Евангелие.

«И что здесь греховного? – искренне недоумевает Колька. – Может, смелые картинки бабулю смущают? Так в городе этим никого не удивить».

Вот обманывать, красть, чело-века жизни лишать – действительно грех. Это Кольке уже известно. А с остальными грехами и вовсе ничего непонятно. «Ну и ладно, подрасту, всё узнаю», – мальчуган прогоняет запутанные мысли из головы.

– Дед, а почему твоих поделок в избе нет?

– Не жалуется бабка моё творчество, – с едва заметной улыбкой ухмыльнулся дед. – Говорит, от лукавого.

– А что значит «от лукавого»?

Дед на мгновение задумался.

– А значаца, Кольша, пустое это дело, бесполезное. Боженькой порицаемое.

– Неправда, деда, – вступился за старика мальчишка. – Вон как красиво!

– Шурочка иначе считает. Но я, старый грешник, на неё не в обиде. Она по заповедям божьим живёт. Хотя игрушки мои да поделки многим нравятся: и детворе на потеху, и взрослым поглазеть, – оправдался дед.

– Ты же неделю из мастерской не выходил. Что-то новое вял?

Дед подошёл к стулу, откинул старое покрывало, брошенное на спинку.

– Вот это да! – Колька в изумлении раскрыл рот.

На холсте, заключенном в золочёную витую рамку, раскинулось тропическое море. Пенящиеся волны накатывали на песчаный берег, ударялись и взрывным фейерверком искрящих брызг встречали очередную волну. Под порывом ветра склоняли макушки разлапистые пальмы, переплетаясь своим «страусиным оперением», а в лазурно-изумрудной лагуне горделиво покачивалась белоснежная яхта.

Дед провёл ладонью по глазам, потёр нос.

– Что-то в глазах защипало, – пробормотал он и отошёл в дальний угол к табурету.

Колька стоял перед картиной не в силах отвести взгляд. И море, и пальмы, и яхта, и даже искрящиеся океанские брызги – выложены на холсте мелкой речной галькой, зернистыми песчинками и декоративными камушками, кое-где покрытыми красками или лаком. Феерическая мозаика ошеломила мальчишку. Взгляд упал ниже, на блестящую табличку у рамки.

– Лю-би-мой Шу-роч-ке, – по слогу прочитал Колька мудрёные в завитушках буквы и тут же обернулся.

Дед сидел на табурете, его взгляд был направлен в пустоту,

с покрасневших глаз он то и дело смахивал невидимую слезу.

– Ты чего, дед, классно же получилось. Бабуле точно понравится.

Дед шумно дышал, выдавая своё волнение. Кольке показалось, что ответ уже давно готов, но подобрать нужные слова получается у деда с трудом.

– Я, Кольша, всю жизнь мечтал море увидеть, – начал дед, хлопывая себя по карманам в поисках кисета с махоркой, от которой отказался уже более года, – Вырваться хотел из наших поволжских степей и равнин. Вот закрою глаза и вижу себя в фетровой шляпе, белом плаще, парусиновых штанах, остроносых туфлях, а рядом со мной Шурочка – вся такая воздушная, счастливая, в сарафане васильковом. Прогуливаемся мы с нею под ручку по набережной, а волны бьют по волнорезу, окатывая нас брызгами. Мы смеёмся, отскакиваем и снова бросаемся в объятия.

Вновь замолчал, подошёл к мозаике и бережно переставил на стол.

– Всё чего-то ждал от жизни, – продолжил дед. – Вот-вот сейчас, семилетку закончу и в ремесленном на слесаря выучусь. Заживу на широкую ногу, страну увижу. Только от войны тогда подыматься стали. После слесарничал в МТС, Шурочку встретил. Душа в душу жили. Только деток бог не давал. Дом построил, сад посадил. Всю жизнь работал: трактора, скотина, покосы, хозяйство. А мечта несбыточной так и оставалась. Одна ныне отрада – сад да любимое дело, – повёл рукой полукругом.

Поволока сошла с глаз, взгляд просветлел.

– Жисть-то, вон оно, как обернулась. Гнался за призрачным и не замечал настоящего вокруг меня, ежедневно, ежечасно, секундочку каждую. Смилостивился Господь. Понесла Шурочка на пятом десятке. Катериной девочку назвали, мамку твою, – дед подхватил внука и посадил на колени. – И нет сейчас счастливее меня человека на свете.

– Как же мечта, деда? – удивился Колька.

И невдомёк ему, чего это дед так разоткровенничался: то ли жалуется на судьбу, то ли благодарит.

– Мечта? Ей, Кольша, быть надобно у каждого. А жить нужно, внучок, именно сегодня, сейчас и благодарить Господа за каждое мгновение, нам данное. И не ждать завтрашнего и послезавтрашнего. Оно никуда не денется, придёт в свой черёд, – дед даже несколько осип от череды откровений.

Мудрёные слова, доволен и горд Колька дедовым прямодушием. Ещё бы! Впервые на равных общаются, словно взрослые.

– Я тут подумал, деда...

– Ну, ну, Кольша.

– Я про мечту твою. Не ту, что в белом плаще, другую.

– Енто какую?

– Про стакан кваска, за которым меня гонял давеча, – Колька сделал вид, что глубоко опечален. – Я вот думаю, пусть в следующий раз он у тебя так мечтой и остаётся, – выпалил мальчишка и крепко-крепко обнял деда за шею.

– Ну ты хитрец, Кольша! Уел старика. Поделом мне, пустомеле, – хрипловато рассмеялся, разрядив витающую в воздухе философскую меланхолию.

Едва петухи зашлись, продрали горло, Колька уже на ногах.

– Ба, я к Митьке, в Дворики.

– Куда ж в такую рань, спи давай. Я и Пеструху ещё не доила.

Колька сделал вид, что ещё глубже зарылся под одеяло, а сам глазком косит. Едва баба Шура за порог, Колька вскочил с кровати, впрыгнул в шорты, натянул футболку. На ходу отломил кусок вчерашнего пирога да горсть ранеток с блюда растолкал по карманам. Ещё вчера договорился с дружкой Митькой встретиться за фермой, где ивняк гуще. Надумали срезать удилица для будущей рыбалки.

Незамеченным выскользнул за калитку и со всех ног понёсся к яру.

Красотища с крутоярья открывается – глаз не оторвать! Аж дух захватывает. Как ни пытается Колька охватить взглядом просторы – не получается. Так и крутит головой, старается сразу всё запомнить и насладиться увиденным. Нескончаемые луга раскинулись вокруг, расплескались радужным июльским разнотравьем. На бескрайних полях пшеница созревает, гнутся стройные стебли под тяжестью налитых колосьев. А ведь солнце пока едва всходит за Колькиной спиной, поднимается над могучей стеной дальнего бора, пронзает верхушки сосен и елей золотистыми лучами...

...Колька вместе с бабой Шурой в тот бор за малиной ходили. Дед с озабоченным лицом ещё подначивал вдогонку:

– Держи, Кольша, ушки на макушке. Заметишь всхрапы и шевеление в малиннике, улепётывай со всех ног, абы с косолапым нос к носу не столкнуться. Любит он сладкой малинницей лакомиться.

Колька и принял дедовы слова за чистую монету. Услышал в кустах шорохи, присел от испуга, чуть стрекача не задал. Спасибо бабе Шуре, вовремя подоспела, раздвинула колючие заросли, а там зайчонок к земле прижался, ушками шевелит, трясётся мелкой дрожью. И непонятно, чьё сердечко сильнее колотилось: длиннорукого или Кольки. А медведей-то, оказалось, отродясь в этих местах не видывали. «Ну, деда, припомню я тебе косолапого, – беззлобно подумал Колька, – попадётся и ты на мой розыгрыш»...

...В низине под обрывом струилась речка, Казанушка. Совсем не широкая, в три прыжка перескочить, местами в сапогах перебрести можно, едва голенища замочив. Мужики всегда вброд шли. А девки с бабами всё больше по мосткам свежеструганым перебирались. Обмелела Казанушка, ушла крупная рыба, но под обрывистыми берегами ещё остались глубокие тёмные омута. Нет-нет да плеснёт, ударит хвостиком невиданный зверь или рыба, разойдутся круги по глади. И вновь тишина. Бабки, услышав грозный всплеск, крестились и шептали вполголоса: «Свят, свят, свят», а после сплёвывали через левое плечо, приговаривали: «Сгинь, нечистая». Мужики ухохатывались, догадываясь, кто шороху наводит. Может, ондатра аль бобёр, а некоторые вспоминали про голавлей гигантских, которые когда-то в былые годы в Казанушке водились.

Вверх по реке, версты за три, есть дамба. Даже сейчас её видно невооружённым глазом. Речка за ней безбрежным морем разливается. Кольке в такую даль ходить

одному нельзя. Хотя, по словам бывалых рыбаков, за дамбой рыбы видимо-невидимо. Но сегодня Колька прибежал не на красоты любоваться. Ему в Дворики надо, к Митьке. Только рановато ещё, вот и притормозил на своём любимом месте. Трава от утренней росы влажная, не присесть, не раскинуться всласть. Зато кто-то из местных скамеечку со столиком на обрыве сладил. Не раз сельчане помянули добрым словом неведомого умельца. Присел мальчишка на скамейку, отдышался.

Деревня Колькина звалась Четырёхдвориками. Может, когда-то в ней и было-то всего четыре двора. Зато прошлым летом Колька насчитал аж тридцать домов. Сейчас и того больше – «бесконечная» улица протянулась до опушки бора. Дома крепкие, ладные – заметно, что работающие селяне и дачники в них проживают. Ничего общего с коттеджами и дворцами новорусскими.

Напротив, через речку, те самые Дворики, в которых Митька живёт. Ещё десяток лет назад Дворики и хутором-то не называли. Одна бабка Марья в покосившейся избёнке да кошка Мурка с бодливой козой Ньюшкой. А ныне... Уже несколько улиц застроили, почту открыли, медпункт оборудовали, церковь заложили. Поговаривали, школе быть в скором времени. Так и потеряли Четырёхдворики своё могущество перед Двориками.

Причина и вовсе оказалась прозаичной. В половодье Казанушка набирала силу, разливалась вширь, сминая и вымывая бурлящим потоком береговую поросль, разбивая и унося мостки. Чтобы добраться до деревни, приходилось делать крюк из

райцентра, с полсотни вёрст. Но Колькины соседи и рады-радехоньки злым напастям. У них тишь, гладь да благодать. Ни шума приезжих, ни склок, разборок, ни гулянок ночных. Чего о Двориках нельзя сказать. На фоне хилых, крытых старым шифером изб, как на дрожжах, росли кирпичные коттеджи с современной черепицей на крышах. Целыми днями по большаку да окрестностям пылили навороченные джипы, по ночам гремела оглушительная музыка...

Посидел Колька, глаза по сторонам, скинул сандалии и припустил босиком по едва заметной тропинке вниз, к речке. По мелководью вброд перебрёл, вот уже и ферма из-за кустов показалась. А Митьки-то и не видно. Обежал вокруг фермы, не нашёл друга. «До Митькиного дома рукой подать, придётся идти, – подумал Колька. – Может запросто проспать или забыть. С него станется»...

– Шебутной, неуёмный, в голове одна каша, – приговаривала баба Шура в Митькин адрес.

Дед не оставался в стороне:

– Вспыхивает, словно спичка, так же быстро гаснет. Но стержень в парне есть.

Колька и сам знал – в Митькиной голове десятки мыслей одновременно и планов – громадьё. Только всё больше фантастических, несбыточных, иногда и вовсе авантюрных и хулиганистых...

...Буквально на днях Митька подбил друга незаметно увести из-под носа дремлющего пастуха деда Фомы трёхлетку-жеребца, после оседлать да галопом на нём припуститься. Мальчишки скрытно подкрались к жеребчику.

Глядь, а тот уже под седлом. Мигом Митька переиграл всё на ходу. Опутал привязью задние ноги иноходца да как свистнул в оба пальца. Рванул с места стреноженный жеребец, понёсся, будто плетью ужаленный, неуклюже взбрыкивая задними ногами. Старое деревянное седло набок съехало да и вовсе о землю грохнулось, на кусочки разлетелось. Конь летел, за ним следом дед Фома семенил и причитал. А Митька в кустах заливался смехом и Кольку в бок кулаком, шутя – мол, знай наших...

...Колька помнил первую встречу с другом. В начале каникул это произошло. Сидел на берегу, лениво камешки побрасывал в речку, глазел на мальков, шныряющих вдоль песчаной косы.

– Эй, ты, – звонкий мальчишеский голос прервал беззаботный досуг.

Колька встрепенулся, повёл глазами. Напротив, на другом берегу, стоял пацан, на полголовы ниже, с растрёпанными русыми волосами.

– Это ты мне? – невозмутимо спросил Колька.

– Кому же ещё? Что-то я здесь кроме тебя никого и не вижу, – последовал недовольный ответ.

– Чего тогда надо?

– Ты вообще откуда взялся? – в голосе незнакомца послышались угрожающие нотки. – Я тебя раньше в нашей деревне не встречал.

– Да и я тебя в Четырёхдвориках не видел, – дерзко ответил Колька.

– Чё, смелый, да? По сопатке давно не получал? – продолжал «наезжать» незнакомец.

– А ты из Двориков? – неожиданно сменил тему Колька. – Умешь рыбачить?

– Ну, умею, и чё? – растерялся паренёк.

– А я вот ни разу на рыбалке не был, – с задумчивой грустью в голосе продолжил Колька. – Меня Колькой зовут, я здесь на каникулах, у дедушки с бабушкой. Давай дружить?

Обескураженный дружелюбием собеседника, незнакомец буркнул:

– Митяй, можно Митька. Меня так все кличут, – в несколько прыжков по камням ловко преодолел поток, остановился рядом и небрежно хлопнул по протянутой ладони. – А ты телёнка рыжего с белой звёздочкой во лбу не видел в своих Четвертаках? – от былой агрессии не осталось и следа.

– Почему в «Четвертаках»?

– Не знаю, наши все так говорят.

– Прикольно, Четвертаки – хохотнул Колька. – Телёнка, говоришь, со звёздочкой? А ну, погнали.

Мальчишки рванули вверх по косогору. Колька «летел» первым, в спину дышал Митька, норовя обогнать и держаться на полшага впереди. Миновали дворы, постройки, выскочили на опушку бора. Колька резко затормозил, и Митька со всего разбега ткнулся лбом в затылок нового знакомца. Оба кубарем полетели в траву, кувыркнулись через голову. Митька первым вскочил на ноги, размазывая рукой по лицу крупичицы земли. Колька сидел в траве и, морщась, потирал содранные коленки. Пацаны посмотрели друг на друга и дружно рассмеялись.

– Вставай, четвертак! – протянул руку Митька.

Колька ухватился и поднялся на ноги.

– Налево гляди, – мотнул головой.

Митька бросил взгляд в указанную сторону. В кустах мирно пасся рыжий телёнок, неторопливо жуя сочную траву.

– Ура, нашёлся! – воскликнул Митька. – От стада отбился, а дед Фома всё прошляпил. Мамка говорит, давно его гнать из пастухов надобно. Старый, ничего не видит. Я в будущем году уже в третий класс пойду, сам смогу за пастуха быть, – важно надул щёки.

Колька недоверчиво ухмыльнулся.

– А чё, я и на лошади могу, и хлыстом щёлкать, от меня никто не сбежит. Батяка обещал на ферме договориться, – продолжал хвалиться Митяй. – Со стадом голов в тридцать запросто управлюсь, триста рубликов в день пастуху положено, – гордо расправил плечи.

– А давай я тебе помогать буду. За просто так.

Митька пару секунд помедлил, что-то прикидывая в своей голове.

– Можно, вдвоём веселей. И не надо за просто так. Вдвоём мы и с полусотней коров управимся, – рассудил по-хозяйски. – Пару сотен к зарплате накинут, поделим по справедливости. Погнали Звездочёта до хаты, – кивнул на бычка. – Мамка дома пироги печёт, угостимся...

...Колька уже было поднёс палец к звонку на заборе, как дверь дома внезапно распахнулась, из сеней выскочил Митька, перепрыгнул через крыльцо и с ходу плечом распахнул калитку. Колька едва успел отскочить.

– Стой, ты куда?

Митька остановился, и посмо-

трел на друга. В глазах мальчишки блеснули слёзы. Он обречённо махнул рукой и, ни слова не говоря, быстрыми шагами побрёл от дома. Колька – за ним следом, молча, не тревожа друга.

Дома закончились, потянулся пустырь, за ним кустарник. Мальчишки вышли к берегу Казанушки. Неожиданно Митька поскользнулся на влажной от росы траве и грохнулся на «пятую точку». Тут же подтянул к себе коленки, обхватил руками, склонил голову. Плечи мальчишки затряслись мелкой дрожью, глухие всхлипы вырвались из его груди.

– Мить, ты чего? – Колька осторожно прикоснулся к плечу друга.

– Отстань! – выкрикнул Митька и откинул его руку.

– Как знаешь.

Колька ничуть не обиделся на выходку друга и невозмутимо присел напротив на корточки.

Беспрерывно шмыгая носом, Митька поднял голову и посмотрел вдаль, за речку. Всхлипы прекратились так же внезапно, как и начались.

– Я, наверно, из дома убегу.

– Опять батя? – участливо спросил Колька.

– Ага, – кивнул Митька. – Вот, смотри, – повернулся боком.

Из-под копны белых волос заметной краснотой отливало опухшее ухо.

– За что? – недоумённо вскинулся Колька.

– Да ни за что. Пришёл с дежурства под утро, как всегда пьяный, на мамку с кулаками кинулся. Всю посуду переколотил, орал, чтоб водки ему налила, – Митьку словно прорвало, и он торопился выговориться.

– А ты?
– А чё я? Бросился на него, повис.

– За мамку заступился?
– Ну да, – Митька вновь потупил взгляд. – Вот и прилетело, – буркнул устало.

– Да брось ты. Проспится и забудет, а ухо твоё заживёт, – участливо произнёс Колька.

– Надоело, каждый раз так. Сейчас проспится, в магаз пойдёт, конфет мне покупать, а себе водки. Мне эти карамельки уже, знаешь, где стоят? – со злостью выкрикнул Митька и полоснул ладонью по горлу. – Не, я лучше сбегу из дому.

– А куда?

Митька чуть задумался.

– Вниз по Казанушке пойду, до Волги, – уверенно ответил мальчишка. – А там плот сделаю и до самого моря поплыву.

– Здоровско! Столько можно увидеть! – воскликнул Колька и тут же осёкся. – А как же мама твоя?

– Блин, я и не подумал, нельзя её одну оставлять, – Митька вновь обхватил голову руками.

Оба затихли и надолго задумались. Первым прервал молчание Колька:

– Знаешь, мой папка тоже пил. Только у нас дома об этом никто не говорит. Я его плохо помню. Глаза закрою, пытаюсь представить. И почему-то вижу, как он меня на санках катит. Большущий такой, бородатый, – на мгновение прервался. – И добрый. И мы оба смеёмся. Мне всего три было, когда он от нас ушёл.

– Сам ушёл?

– Не знаю, бабуля говорит, что мама выгнала. Лизка тогда только народилась.

– А дед?

– Дед вообще молчит, ни слова о нём.

– И где он сейчас?

– Где-то далеко на севере. Он маме деньги присылает.

– А чё на мобильник не позвонит? Или он с вами вообще не общается.

– Не знаю. Может, номера у него нет, – Колька пожал плечами. – А мама иногда плачет, я сам видел. Думаю, из-за него.

Митька заметно успокоился, иногда продолжая утирать шмыгающий нос тыльной стороной ладони.

– Ну и видок у тебя! – впервые за всё утро улыбнулся Колька, разглядывая грязные разводы на лице друга.

Солнце медленно, но упорно приближалось к зениту. Воздух нагрелся, просветлел. От былой росы не осталось и следа. Со стороны поля дохнуло терпким дурманящим ароматом полыни, скошенного хлеба, медовых трав. Задиристый стрёкот кузнечиков временами заглушался бодрящим посвистом ласточек, молниеносно скользящих над водой и тут же ныряющих в тень обрыва.

Мальчишки вальяжно валялись в траве на спине, закинув за голову руки, и вяло переговаривались.

Митька лениво перебирал во рту сочный стебелёк травинки, смакуя едва уловимый сладковатый вкус. Он вряд ли делал это осознанно, скорее, спонтанно, по привычке.

Рядом порхал мотылек, крошечный, чуть заметный. Нежно-лазурные блёстки хрупких крылышек искрились в лучах восходящего солнца. Мотылёк покружил над пацанами и приземлился прямо на Колькин живот. Мальчишка скосил глаза и замер, боясь неловким движением спугнуть необычного

гостя. Досчитал про себя до трёх, мотылёк не улетал, лишь едва заметно вздрагивал короткими взмахами крыльев. «Если успею загадать желание и мотылёк не улетит, значит, всё исполнится», – внезапно возникла абсурдная мысль. В голове хаотично замелькали образы мамы, Лизки, деда Андрея, бабы Шуры, и... почему-то бородатого мужчины. «Это же папа, мой папа!» – вскричала Колькина душа, словно пытаясь укрепиться в его сознании. Попытка сфокусироваться на чём-то одном не получалась. Разум пытался охватить всё, всех и сразу. Мотылёк не улетал, будто терпеливо ждал окончательного решения мальчишки. Улыбка до самых кончиков ушей озарила лицо. Колька вдруг понял, что все эти люди, и настоящие и мнимые, бесконечно дороги ему...

Митька успокоился, от былой досады не осталось и следа. Не спеша, якобы со знанием дела, принялся рассказывать другу, как правильно строить плот.

– Главное, пилу или топор найти, срубил деревья, очистил от веток, обвязал верёвкой – и плот готов...

Колька слушал в пол-уха, едва сдерживаясь, чтобы не перебить. Улыбка не покидала его, и он был даже рад, что увлечённый рассказом собеседник сейчас устал и ушёл в небо. Понимал и то, что Митька опять привирает, выдумывает, и никакой плот в своей жизни никогда не строил.

Любовь к чтению мама привила Кольке ещё в пятилетнем возрасте. Сначала Колька за пару дней с неподдельным энтузиазмом «проглотил» весь алфавит. А уже через неделю умел складывать слова и читать по слогам. Тихие

вечера с чтением вслух стали доброй семейной традицией.

Приглушённый свет торшера. Нежный бархат пузатого кресла; в него Колька забирался с ногами. Лизка в своей кровати, аппетитно чмокающая любимой соской, от которой вот уже полгода никак не могли отучить. И мама, сидящая на диване, тоже подогнув ноги, с раскрытой книгой. Мамин голос: спокойный, лёгкий, чуточку звенящий в тишине, мягкий, ласковый и в то же время вселяющий уверенность – всё и всегда в дружной маленькой семье будет хорошо.

Потому и неудивительно, что «Путешествие на Кон-Тики» Колька прочитал запоем ещё в первом классе. И зачем на плоту прямоугольный парус, для чего служат килевые доски, как грамотно управлять длинным рулевым веслом – знал и представлял.

Даже весной попробовал соорудить возле дома некое подобие из подручного хлама, коим оказались две старые двери, выброшенные на улицу за ненадобностью. Скрепить поперёк парой брусков, прибив их большими гвоздями, – не составило труда.

И вот дана команда: «Вёсла на воду!» Посреди огромной весенней лужи закачался величественный плот, а на нем Колька с жердью в руках – отважный «пятнадцатилетний капитан» из романа Жюль Верна! Эх, ему бы штурвал и парус... Друзья оценили... Но влетело дома, от мамы...

Знал Колька и кто такой Тур Хейердал. Восхищался писателем и отважным путешественником. Но хвастаться сейчас не хотелось. Главное – Митька забыл про свои беды. А то, что завирает? Так пускай треплется – ничуть не жалко.

– Чего разлётся? – тычок в бок заставил Кольку очнуться от грёз. – Забыл, куда собирались?

Через секунду оба вскочили на ноги.

Заросли тальника находились рядом. Мальчишки успели покачаться над обрывом на неизвестно кем устроенной тарзанке. Впрочем, отпустить руки и окунуться в омут не рискнул ни один. Кто его знает, что там внизу, на дне. Старшаки, вроде, сигнали. Решили при случае приглядеться.

– Самое то, – Колька неуверенно ткнул пальцем в длинную ветку.

– Не-а, – уверенно отмахнулся Митька, – тонковата. Вот эта для удилища покатит, – вытащил из кармана складшюк, лихим движением кисти выбросил лезвие.

«Да, – подумал Колька, – тебя бы сейчас в город, в магазин рыбацкий. Чего в нём только нет. И лески, и грузила, и спиннинги... Поплавки любых форм и цветов».

Поплавки недаром всплыли в памяти. Колька незаметно прыснул смешком в кулак, вспоминая события недельной давности...

– Деда, а как поплавок для удочки сделать?

– Да просто, Кольша. Лучше из винной пробки, проткнешь гусиным пером – и готов поплавок.

– А перо где взять? – простодушно спросил Колька.

– Как это где, – бодрячком ответил дед, опрокидывая внутрь очередной стаканчик кваска. – У гуся, конечно...

Колька видел гусей в Двориках, потому и рванул к другу.

– Перо? Гусиное? Да запросто, – Митька долго не раздумывал.

Была в его характере черта, которую Колька особо ценил. Митька на лету схватывал суть дела.

Иногда даже не задумывался. Если друг сказал надо – значит надо.

Кепку на голову, небрежно сплюнул в сторону сквозь щербинку в зубах, шорты подтянул, грудь колесом – и в лобовую атаку на гусиную стаю, важно вышагивающую по дороге. От такой наглости гуся шархнула на обочину. Митька грозно за ними. Гуся на ходу по дуге бочком и давай улепётывать, оглушая округу многоголосой какофонией. Тут и гортанный клёкот, не имеющий ничего общего с расхожим га-га-га, и залиvistое тявканье, похлеще, чем у мелкой соседской Жучки. Колька даже глаза зажмурил, слушая устроенный Митькой тарарам.

Чего хотел добиться птичий налётчик от своего лобового наскока – Колька так и не понял. А вот гуся, похоже, раскусили возмутителя спокойствия. Первым отошёл от шока вожак стаи. Не исключено, что, удирая, косил взглядом, оценивал Митьку. Мелковат, неказист, значит, и острастка мнимая. Развернулся с ходу гусак, распушился, шея столбом, защёлкал клювом, грозно замахал крыльями. Следом за ним вся стая отступить передумала. Поворотились в сторону неприятеля, шеи вытянули, зашипели со свистом. Митька опешил от беспардонной наглости, застыл как вкопанный. Тут-то вожак и воспользовался его оплошностью. Сначала издал пронзительный боевой клич, оглушая пацана, и сразу, не раздумывая, в атаку – зашлёпал своими лапами по траве. Молниеносный бросок увенчался оглушительным успехом.

– Ай-яй! – разнёсся по округе отчаянный Митькин вопль.

Гусь больно щипнул соперника кончиком клюва за бедро. Да не один раз. Вдогонку второй, третий!

Митька удирал со всех ног. За ним Колька, не дожидаясь, когда и ему перепадёт. Во двор влетели словно угорелые, калитку на засов, облегчённо выдохнули и дух перевели. Колька, устыдившись постыдного драпа, румянцем залился. А Митьке хоть бы что, будто и не было ретирады. Ничуть не расстроился, лишь потирал боевые раны.

– Я тебе ещё покажу, только попробуй по моей улице пройти! – погрозил кулаком из-за ограды. – Держи! – развернулся к другу и протянул ему большое гусиное перо.

В пылу отступления Колька и не заметил, откуда Митька добыл трофей. Победителей не судят. А Митька, как ни крути, с задачей справился.

Гусиное перо Колька обкромсал ножницами, сердцевину наждачкой зашкурил. С пробкой проблем и вовсе не было. В кухонном ящичке бабы Шуры такого хлама навалом. Проковырять дырку в пробке тоже не составило труда. Через отверстие продёрнул леску и заткнул гусиным пером. Львиная часть работы сделана.

«Классное удилище срезал Митька! Гибкое, упругое», – подумал он, старательно делая засечки на конце и любуясь складешком. Подарок всё-таки! Ещё в тальнике от Митьки не ускользнул жадный Колькин взгляд на ножичек. С ладошку рукоять, цветными камешками инкрустирована, клинок отливает блеском, аж слепит.

Митька враз уловил восхищенные друга.

– Забирай, дарю!

Колька даже растерялся от неслыханной щедрости, но подарок принял.

– А теперь деньги гони, – тонно, не терпящим возражения, сурово произнёс Митька.

Колька растерялся.

– Нету у меня денег. Хотя... – порылся в кармане. – Вот, только одна монетка, – обескураженно протянул гривенник.

– Сойдёт, – деловито забрал монету Митька и рассмеялся. – Нельзя ножики дарить, мне папка сказывал. Обязательно нужно денежку брать в ответ. Заруби на носу.

– Зарубил! – восторженно ответил Колька и приложил ладонь ребром к носу.

Сейчас он всласть пощёлкал клинком и спрятал подарок в карман. Теперь предстояло решить ещё одну немаловажную проблему.

Ох, и нелёгкое это дело – крючок к леске приладить. Здесь простым узелком не обойдёшься. Хоть дед и крючок нашёл, и битый час учил внука вязать морским узлом, всё равно не выходило. Тут-то и пришли на ум дедовы слова про усидчивость. Семь потов сошло, пока крючок привязывал. В сотый раз мысленно в голове прокручивал урок. «Протянул леску в ушко, вдоль цевья пустил и петельку – хоп! После прижал пальчиком, вокруг цевья обернул трижды и конец лески в эту же петельку. А теперь не спеша затягиваешь», – приговаривал дед.

– Один, – считал вслух Колька, делая оборот леской, – два...

Ну что за невезение, соскочила петля. Но рыбачок упрямо не сдавался.

–...Три. Ура, получилось! – воскликнул Колька, затягивая леску.

Подёргал за крючок – крепко сидит. Хоть сию минуту беги, забрасывай. Червяков ещё с полудня с Митькой накопили возле фермы за старой навозной кучей. Проморгался усталыми глазами, вздохнул.

Уже и темень на дворе. Завтра чуть свет – за Митькой и на рыбалку. Ведь тот точно проспит.

Получилось наоборот. Зорьку проспал сам Колька. Видно, устал наперед. Вскочил на ноги, глазами захопал, а за окном уже и дымка утренняя рассеялась, пелухи на дворе давно отпели. Хоть солнце и не встало над бором, но вот-вот появится.

– Ба-а, – разочарованно протянул Колька, – Я же просил...

– Так жалко тебя будить-то было. Умаялся вчера, сердешный. Вон как сладко во сне посапывал, – заботливо проворчала баба Шура, хлопоча на кухне.

– Ба, я уже не маленький, – возмутился Колька, на ходу проглатывая кусок хлеба и запивая молоком. – Я помчался, на рыбалку.

– Беги с богом, только не балуй да осторожничай. Бидончик под улов, что давеча приготовил, не забудь.

Митьки на условленном месте опять не оказалось. У привычной калитки едва нос к носу не столкнулись.

– Ты чего, тоже проспал? – с ходу выпалил Колька.

Блеск в Митькиных глазах слегка потускнел, но загадочная и довольная улыбка не сходила с конопатого лица.

– Ничего я не проспал. Тут дело такое, – будто извиняясь, вполголоса прошептал Митька и кивнул в сторону дома. – Батя меня в помощники взял, на покос, за сеном. Он сейчас телегу снаряжает.

– А как же наша рыбалка?

– Мы мигом. Туда и обратно. Сена накидаем в телегу и домой. За пару часов управимся, – зачастил Митька и доверительно продолжил. – Ой, что вечера было! Он проспался, всю водку, что не допил,

в помойное ведро выплеснул, в магазине конфет и пряников накупил, мамке духи в придачу. Заявил, что пить навсегда бросил и прощения попросил.

– Да ну, не может быть.

– Вот и я не верю в такие чудеса. Но мамка довольная ходит, улыбается. С утра нас яичницей с салом накормила, сейчас борщ варит и напевает себе под нос, – Митькины глаза вновь засветились.

– Да-а, точняк чудеса, – Колька почесал затылок. – Тогда лады, я не в обиде. Буду за плёсами рыбалить. Туда и прибегай после покоса.

В знак согласия друзья шутя ударились плечом о плечо.

Место для рыбалки Колька присмотрел заранее. От бывалых рыбаков уже знал, что рыбу надо искать под перекатами или там, где глубже. Ему бы за дамбу, но слово дал, туда ни ногой. Можно и напротив крутоярья с удочкой пристроиться, так рядом мелкота, пастухи вброд скотину гоняют. Вот чуть ниже по течению – самое то. Игривый бег Казанушки по галечнику успокаивается, и река разливается спокойными бирюзовыми плёсами. Течение слабое, берега песочком золотятся. Колька решил здесь сперва и начать, рыбацкие навыки опробовать. Но самое интересное – за плёсами. Местами река с боем вгрызается между высокими берегами. Вырвавшись, испуганно мечется беспорядочным серпантинном. Тут под обрывами и находятся те самые загадочные глубокие омуты, о которых местные судачат.

Первые забросы никак не получались. То леска путалась, то поплавок вкривь летел, то ветром

его сносило. Иной раз и сам на крючок попадался, за футболку или шорты. Да вдобавок крючок за корягу зацепился, пришлось раздеваться, под водой рукой шарить, спасать снасти. Это ещё полбеды. Вот с червяками помучиться действительно пришлось. Скользкие, вёрткие, так и норовили из рук выскользнуть, минуя острое жало.

Вспомнилась Кольке дедова пословица про терпение и труд... Через четверть часа дело наладилось. Залюбовался поплавком – плавно по течению скользит. Всё хорошо, только поклёвок нет. Легкий ветерок ласково поплавок колышет, но рыбы и незаметно. Может, наживка не по вкусу или место неудачное выбрал.

Закончился плёс, зашумела, забурлила на перекате Казанушка, следом резко скукожилась, выгнулась крутой излучиной. Напротив, прямо под обрывом долгожданные омота начались. Неужели и про них одни лишь байки сказывали? Вся круча отверстиями утыкана, словно снарядами прошита. Это ласточкины домики. Нет-нет и выпорхнет стремительно хозяйш-ка гнезда, скользнёт молнией над тёмной синевой омота и тут же обратно. Может, и не она, а другая. Кто их разберёт при таком скоплении. Но к полудню уже незаметно птичьего бума. Притомились птахи, всё реже «выныривают» из гнёзд.

Первый заброс получился неудачным. Не долетел поплавок до омота, упал в воду рядом, понёсся по быстрине...И... – раз, исчез под водой. Колька ничего не понял, машинально дёрнул удочкой... Вот она – удача! На крючке болталась первая рыбка. Заколотилось рыбацкое сердчишко, задрожали ладони. Колька не верил своему

счастью. Маленькая рыбёшка, всего с ладошку, но такая желанная. Пригляделся внимательно, пока с крючка снимал. Пескарь! Уж его ни с кем другим не перепутать. Шевелит усами, возмущённо попискивает.

Колька набрал воды в бидон, запустил туда рыбку, полюбовался уловом. Ну, сейчас пойдёт рыбалка! Действительно, вторая поклёвка не заставила себя ждать. Поплавок, после прицельного заброса, тут же затанцевал: то слегка опустится под воду, то вынырнет. Колька, напряженный как струна, терпеливо ждал. И вот притопленный поплавок повело в сторону... Пора, решил мальчишка и дёрнул удилицем. Леска натянулась, со свистом рассекла воздух, над поверхностью взвилась серебристая рыбка. Тут же сорвалась с крючка, перевернулась в воздухе и шмякнулась об воду. Колька сгоряча чуть не прыгнул за ней.

«Эх, простофиля, – мысленно обругал себя юный рыбак. – Подсекать же надо было», – вспомнил былые уроки деда и советы друга Митьки.

Азарт нарастал. Колька торопливо поправил наживку и прицельно отправил поплавок в омут. «Сейчас, сейчас клюнет, главное – не прозевать», – напряжённо пульсировало в голове. Минута, вторая, третья... Поплавок стоял, не шелохнувшись.

Солнце палило нещадно, спрятались ласточки, никто уже не порхал, как прежде. Звенящие трели кузнечиков доносились реже и реже. Незаметно стих и вовсе пропал освежающий ветерок. Парило. Над водой поднималось марево. Сквозь сгустившийся воздух Колька продолжал до боли в глазах всматриваться в неподвижный

поплавок. Но... желанной поклёвки так и не дождался.

Положив удочку на песок, присел рядом, с тоской глянул в бидончик на пескарিকা, осмотрелся вокруг. В пылу рыбацкой страсти не удалось толком понять, куда забрёл. Под ногами горячий песок пятки прижигает, чуть дальше, за спиной, пятачок луговины, укрытый нежной муравой, за ней ивняк густится. На том берегу, над обрывом, высится пышная берёза, утопая в плакучих ветвях. Высоко над белоствольной коршун крылья расправил...

Заслушался Колька необыкновенной мелодией, доносящейся издалека. Вроде на дудочке кто-то играет или на флейте. Нет, точно на флейте, уж её ласкающие слух переливы ни с чем не перепутать. Показалось, что сама берёзка разгоняет вязкую дремоту полуденного зноя.

Внезапно мелодия оборвалась. Коршун стал снижаться, перешёл в крутое пике, прямо на берёзу. И тут ему наперерез из густой кроны – маленькая птаха, ярко-жёлтая от самой головы до кончика хвоста. На всю округу разнеслись пронзительные мяукающие звуки. Послышались в них отчаяние и боевой клич одновременно, и ещё какая-то надрывная, граничащая с самопожертвованием безнадёга. Схлестнулась птаха в неравной схватке с хищной птицей. Колька замер, сжал кулаки, широко распахнул глаза.

Мгновение назад казалось, что гибель желтокрылой неизбежна. О, чудо! Удирает коршун, один за другим наматывает круги вокруг берёзы. За ним, не умолкая, та самая бесстрашная птаха, бьёт клювом на всём лету, аж клочья перьев

разлетаются. Не ожидал хищник бесславного исхода, ретировался ввысь, скрылся из виду. А птаха вновь нырнула в гущу ветвей. «Это же она своё гнездо защищала, – догадался Колька, – наверняка и птенцов»...

Очнулся мальчишка от созерцания птичьей схватки, вспомнил про удочку. А там поплавок всюю выписывает круги на воде. Ловкая подсечка. Есть улов! Пригляделся – плотвичка с радужными чешуйками. Это не какой-то там пескаррик, серьёзная рыба. Хоть и невелика, в полторы ладошки, но увесистая, широкая. За последующие полчаса Колька ещё парочку плотвичек выудить успел. Теперь и некогда по сторонам глазеть, всё внимание только на поплавок, главное, поклёвку не прозевать.

– Ма-а-у! – необычное кошачье мяуканье заставило мальчишку резко обернуться назад.

За спиной стояла довольно упитанная лощёная кошечка-трёхцветка и без страха с вызовом в упор смотрела на него. «Хорошенькая какая, наверно, из кустов вынырнула, знакомится», – мелькнула нейтральная мысль.

– Мау! – вновь подала голос кошка, не сходя с места, на этот раз требовательно и даже повелительно.

Колька чуть растерялся. «Рыбку просит, – догадался он. – Ничего не поделаешь, придётся угостить». Запустил руку в бидончик, достал пескаррика и бросил кошке. Не спеша, грациозной поступью, соблюдая величественную осанку, кошечка приблизилась к пескаррику и жадно впиалась в него зубами. Через несколько секунд от рыбки не осталось и следа.

Колька, довольный своим благородным поступком, с умилением посмотрел на неожиданную незнакомку и вновь всецело переключился на созерцание поплавка. Насладиться рыбалкой не довелось. Вместо того чтобы идти своей дорогой и с благодарностью вспоминать о полученном угощении, кошка подошла вплотную к рыбаку и стала ласково, но в то же время дотошно тереться о его ноги. Колька вновь отвлекся на беспардонность разношёрстной красавицы. Ну как же тут отказать? Мальчишка опустил удилище на песок, вынул из бидончика одну из плотвичек. С тоской посмотрел на двух оставшихся и бросил рыбёшку под ноги бесцеремонной попрошайке. В мгновение ока кошка расправилось и с этой рыбкой. Глубоко в душе наслаждаясь собственным бескорытием, Колька ласково произнёс:

– Наелась, Мурка, больше не будешь просить?

Судя по всему, Мурка, как прозвал её Колька, не разделяла оптимизма рыбака, а может, робость была у кошечки не в почёте. К тому же на голодное, отощавшее от тяжёлой жизни животное она и вовсе не походила.

– Мау, мау – дважды требовательно мяукнула кошечка, развеяв надежды Кольки на быстрое расставание.

Обречённо вздохнув, мальчишка пожал плечами, достал ещё одну плотвичку... За ней последнюю, которую Мурка приговорила так же безжалостно и безоговорочно, как и предыдущих рыбок.

– Всё, нету больше, – растерянно развёл руками Колька, – всех до единой тебе скормил.

Только сейчас юный рыбак до конца осознал, что полностью

лишился своего улова. Впрочем, он сразу отогнал безрадостную мысль: «Ничего, ещё наловлю». Начисто лишённая стыда и вовсе не терзавшаяся моральными принципами кошечка поднялась на задние лапки, опустила передние на край бидончика и осторожно заглянула внутрь. Убедившись воочию в отсутствии желанного лакомства, Мурка ещё раз мяукнула: то ли благодаря за оказанное её персоне внимание и дружелюбие, то ли выражая недовольство и разочарование смехотворным по её меркам уловом, мелкими шажочками лениво отошла в сторону, по-хозяйски улеглась на мягкой траве, тщательно нализывая лапы и намывая ими сытую мордочку.

Посчитал свою благородную миссию выполненной и Колька. Вновь повернулся к речке, пробежал взглядом по поверхности омута. Поплавка нигде не было. Удилище с притопленным концом по-прежнему лежало на песке. Колька в недоумении приподнял удочку и сразу почувствовал тугое натяжение лески. Попробовал потянуть, но леска лишь завибрировала, зазвенела, ивовое удилище выгнулось дугой. «Зацепил за корягу», – мелькнуло в голове. Вдруг на поверхности раздался резкий всплеск, из воды вылетело что-то огромное, блестящее, серебристо-красное, выгнулось в воздухе, с оглушительным шлепком опять ударилось о воду, окатив рыбака водопадом брызг, и скрылось в глубине омута. Удилище рванулось из рук, утаскивая за собою Кольку. Леску резко повело в сторону. Колька за ней... Два, три, пять шагов по кромке воды... Кисти рук словно парализовало, кровь ударила в голову, глаза накрыло пеленой.

Выворачивая удилище из рук, леска пошла обратно...

Колька ничего не понимал. Потрясение, паника, шок одновременно завладели его телом и разумом. «Только удержать, только удержать», – маятником пульсировало в голове

– Колька, держись! – донёсся из-за спины заполошный крик Митьки.

Колька пришёл в чувство, взбодрился и неосознанно стал пятиться в глубь берега.

– Тащи, тащи! – продолжал вопить невесть откуда появившийся Митька, обхватив друга за пояс и увлекая назад.

Вслед за леской на берег из воды вывалилась рыбина немислимых размеров, и отчаянно сопротивляясь, забилась на песке. Колька застыл на месте, сил на неравную борьбу не осталось. Только побелевшие ладони продолжали намертво сжимать удилище. Мальчишка понимал: ещё шаг и тонкая леска не выдержит. Митька подскочил к рыбе и грохнулся пузом на неё сверху. Его спина, выгнувшись горбом, пару раз дёрнулась, принимая мощные удары добычи, рвущейся на свободу...

Колька устало опустил на траву. Митька, придавив животом рыбу, руками стремительно подгребал под себя влажный песок, стараясь защитной горкой отделить улов от кромки воды.

– Чё расселся, – Митька повернул голову в сторону Кольки. – Помогай.

Через несколько секунд оба друга, надрываясь, тащили рыбину волоком за жабры в глубь берега. Рыба вяло трепыхалась и всё норовила выскользнуть из мальчишеских ладоней. Убедившись в полной безопасности, выпустили добычу из рук.

И только тут Колька смог разглядеть невероятный улов.

– Голавль, – кивнул на рыбину Митька, шумно дыша. – Видишь, плавники красные. Я таких громадин и не припомню в наших местах. С пять кило потянет, – словно бывалый рыбак, раскинул руки вширь, примериваясь к размерам. – Батя, бывало, с мужиками сети ставил за дамбой, но даже там мельче ловились.

Колька молча сидел и упивался триумфом. Улыбка всё больше озаряла его лицо. Он понимал, что если даже пяти кило нет и в помине, если даже два-три, Митькины слова приятно ложились на душу и ласкали слух.

Откуда ни возьмись, из кустов вынырнула знакомая Мурка и, бесшумно подойдя к рыбине, стала её обнюхивать. Казалось, кошечку не смущают ни размеры, ни присутствие рядом юных рыбаков. В этот момент голавль вновь неожиданно трепыхнулся и со всего размаху залепил хвостом по Муркиной морде. Кошка отпрыгнула в сторону, зашипела, шерсть на холке вздыбилась, усы ошетинились. После недовольно фыркнула и бегом скрылась в кустах.

Мальчишки хохотали до коллик в животе.

– Ты чего так долго. Я тебя полдня прождал, – перестав смеяться, сказал Колька. – Опоздай на секунду, я б её и не вытащил.

– Как и обещал, пару часиков и обратно. Сена накидали в телегу и домой, – Митька пожал плечами и бросил взгляд на рыбу. – А так-то да, вовремя подоспел.

Колька молчал, во всём соглашаясь с другом.

– Блин, нам же никто не поверит, что мы её сами выудили, – продолжил Митька. – Ниже дамбы

таких голавлей отродясь не было. Так, одна мелочь. Мы с тобой, Колька, герои! Поташили в деревню, всем улов покажем, вот удивятся.

Забыв об усталости, мальчишки подскочили, пристроили под жабры толстую ветвь и, водрузив добычу на плечи, гордо зашагали домой.

– К тебе или ко мне? – спросил Митька.

– Как скажешь.

– Вообще-то улов твой, я только помогал. Значить, к тебе, в Четвертаки.

Колька некоторое время молчал.

– Давай моим покажем, а после заберёшь себе.

– Класс! – подпрыгнул от радости Митька. – У меня папка, знаешь, какую уху готовит! Пальчики оближешь! Во дворе казан поставит и варит на костре. Мы помогать ему будем, а после всех угостим.

Оба, довольные принятым решением, ускорили шаги.

По деревне вышагивали, спотыкаясь, но с гордо поднятыми головами, сбавляли ход перед случайными встречными и небрежно, тоном бывалых, бросали в ответ восхищённым зевакам короткие ёмкие фразы:

– Внизу, за дамбой, – баском отвечал Митька

– Конечно, на удочку, на что же ещё, – с хрипотцой вторил Колька.

– Ну да, голавль, он самый...

– Ещё как упирался...

В Колькину калитку заходили уставшие, преисполненные величия и несколько утомлённые вниманием и произведённым в деревне фурором.

– Боже праведный, – всплеснула руками баба Шура, первой

увидев рыбаков; так и опустилась на крыльцо. Обняла подошедшего Кольку, прослезилась.

– Ты чего, баб? – растерялся Колька, не найдя нужных слов.

Дед неслышно появился на крыльце, близоруко взгляделся в улов:

– Однако-ж, – только и вымолвил удивлённо. – Геро-о-и, – протянул уважительно и крепко по-мужски пожал Митькину руку.

– Голавль, бабка, – поучительно продолжил дед, – это тебе не сом, поважнее будет. Помню, мы по малолетству голавля рыбалили...

– Понесло старого, – встрепенулась баба Шура. – Опять своими байками будешь головы деточкам дурить...

– Молчу, Шурочка, молчу, – прикусил язык дед и лукаво глянул на Кольку.

– Ба, мы только показать, и к Митьке, уху варить будем с его папкой.

– Умаялись, сердешные, вон какую рыбину сподобили. Никуда вас не пуцу. Сначала молочком с шанежками покормлю. Передохнёте и бегите уху свою кашеварить, – засуетилась баба Шура.

– Ты, Кольша, не забудь головёшку-то дымящую в ушицу окунуть, – напутствовал внука дед. – Иначе смака не будет...

– Обязательно, деда, не забуду, – помахал рукой Колька, направляясь с Митькой и рыбиной в Дворики.

Во дворе возле дома Митькин отец мастерил клеть для живности.

– Ого! – воскликнул он, встречая героев-рыбаков, и удивлённо присвистнул. – Никак голавль?

– А то, – гордо ответил Митька.

– Знатная добыча! И где выудили?

– За плёсами, в омуте, – пояснил Колька.

– Вот оно что. Теперь понятно, кто вечерами нагонял страху на всю округу. Мы-то думали, выдра или бобёр в омуте шалит. А вы молодцы! Не каждый бывалый может таким трофеем похвастаться. Утёрли нос нашим рыбакам.

Мальчишки зарделись от похвалы.

– Ну что, герои, будем уху готовить?

– Да! – хором ответили друзья.

– Ну а мне не грех и стаканчик беленькой под ущицу опрокинуть, – Митькин отец сладострастно потянулся. – Шучу, шучу, – поднял вверх руки, заметив нахмуренное лицо сына. – Я же слово дал. А слово моё – кремень.

Лицо Митьки просветлело, он вскинул голову и увидел мать, стоящую в дверях.

Она натянуто улыбалась, губы её дрожали, словно готова была расплакаться. Митька подбежал, взял её за руку.

– А мы сейчас уху варить будем, – срывающимся голосом сообщил он.

Митькин отец подошёл вплотную к жене и сыну, прижал обоих к себе.

Колька молча во все глаза смотрел на счастливое семейство. В горле стоял комок. Завидовал ли он Митьке или радовался за мгновение счастья и понимания в семье друга – Колька вряд ли мог признать даже себе. Мальчишка незаметно провёл тыльной стороной ладони по глазам и часто-часто заморгал...

На заднем дворе горел костёр. Колька подбрасывал в огонь древесную кору, для жара. Под руководством отца Митька деловито

помешивал в подвешенном казане большой деревянной ложкой и пробовал варево на вкус.

– Подсолить бы не мешало, – тоном знатока заявил он и поднёс ложку ко рту отца.

– Можно – согласился отец. – Ну а ты беги за своими. Всех ждём на званый ужин. Скоро готова будет ущица, – сказал, обращаясь к Кольке.

Со всех ног Колька понёсся домой, только пятки засверкали. На подходе притормозил. Напротив калитки стояла неизвестная иномарка, в салоне за рулём мелькнул мужской силуэт.

– Дед, баба, – Колька ворвался в гостиную и на мгновение опешил.

Напротив него за столом сидела мама. Милая мама – самый дорогой и любимый человек на свете; одухотворённое лицо, чуть строгое, но бесконечно доброе, пронзительный взгляд, карие глаза, лучащиеся теплом и нежностью, каштановые, тщательно уложенные волосы, прихваченные в пучок бирюзовой ленточкой, непослушная прядка волос, игривым завитком струящаяся по виску, и лёгкий румянец на бледных щеках... Вне себя от радости Колька повис на шее мамы. Мысли, заботы, дела – всё забылось, улетучилось, ушло в небытие. Осталась только неисчерпаемая любовь и безудержный восторг от желанной встречи

Колька почувствовал лёгкую дрожь маминых рук, обнимающих и глядящих его, отпрянул, застенялся своего порыва. Наконец-то оглянулся по сторонам. От удивления приоткрыл рот. Баба Шура вытирала платочком покрасневшие влажные глаза, а дед... Дед невозмутимо сидел на своём любимом

ореховом стуле, перед ним стоял слегка опорожнённый графинчик с кваском. В руке старик держал стакан, наполненный доверху и медленно, маленькими глотками смаковал драгоценный напиток.

– Случилось чего? – вырвалось у Кольки.

Ответа не последовало. Мама опустила глаза, будто не решалась сказать что-то важное. Колька впился взглядом в деда. Тот, увлечённый кваском, лишь пожал плечами. Мальчишка повернулся к бабушке.

– Видишь ли, Коленька, – слегка запинаясь, начала баба Шура.

– Понимаешь, сынок, – тихим севшим голосом перебила Колькина мама.

Колька отступил на шаг и пристально посмотрел в глаза.

– Да ладно, чего уж там, – спокойно и бесстрастно включился в разговор дед, – нагнетаете тут страстей, пугаете мальчика, – отставил стакан. – Папаня твой пропащий нарисовался. Повинился, с вами жить просится. Вот так-то, Кольша.

Колька растерялся, не зная, что сказать.

– Правда, мам? – наконец произнёс он.

Мама едва кивнула головой и вновь опустила глаза, не решаясь продолжить разговор. Румянец на её щеках запылал ещё ярче.

Колька обескураженно скользил взглядом по лицам домочадцев. Услышанные слова ещё не оформились в его голове в какую-то конкретную мысль или образ. Сейчас ему больше всего хотелось просто быть рядом с мамой, чувствовать её теплоту и нежность, рассказать о своих приключениях, новых друзьях, рыбалке... Но смущение на лицах родных, их

нерешительность вызывали беспокойство. Какой такой папка? Откуда, и самое главное – зачем? Им же было так хорошо втроём. Мама, Лизка... Есть ещё бабушка с бабушкой. Хоть и маленькая, но уютная квартира в городе... Он понимал, что-то должно измениться, и жизнь уже не будет прежней. И будущее сейчас во многом зависят от него – Кольки.

Глаза сына снова встретились с маминым взглядом. Кроме тревоги, трепетной любви и заботы, в нём отражалось что-то новое, доселе неведомое, ни разу за последние годы не замеченное им. Эти новые чувства, прочитанные в глазах самого близкого человека, настораживали его, даже немного пугали. Но в то же время он видел, что мама не может им противостоять, хотя и пытается спрятать, подавить в себе. И снова глаза – любящие, всё понимающие... Сейчас они чего-то ждали от Кольки. Ему даже показалось – просили, умоляли, кричали, а где-то далеко, спрятавшись в бездонной глубине маминых глаз, едва-едва светился крохотный огонёк, готовый разгореться и полыхнуть безмерным счастьем.

И вдруг Колька всё понял. Он вновь трепетно прижался к маме, неумело ткнулся конопатым носом и губами в щёку и тут же рванул вон из гостиной.

Выскочил в сени, распахнул дверь и... замер. Перед ним стоял среднего роста мужчина, в строгом городском костюме, широкоплечий. Колька поднял глаза. Тёмнорусая, склонённая набок голова, мужественное лицо, сдержанный взгляд и ровная пепельная борода, от виска до виска.

Колька молчит, эмоции переполняют. Мальчишка едва сдерживает их. Он тянет руку к бороде и осторожно дотрагивается.

– Настоящая?

– Самая что ни на есть, – слышит в ответ.

– Знаешь, я тебя таким и представлял, – слегка волнуясь, шепчет Колька...

Каждому из них есть, что сказать. Но только не сейчас, позже.

Долгий и непростой мужской разговор ещё впереди.

А сейчас на крыльце стоят двое. И у каждого – своя правда и одна общая мечта, которая уже начинается сбываться...

Друзья сидели на траве, на своём любимом месте у обрыва. Митька светился, как надраенный пятак. В руках он крутил только что подаренный Колькой смартфон и никак не мог им насладиться. Внезапно на счастливое лицо набежала тень.

– Жаль, что уезжаешь, – грустно произнёс Митька. – Мы бы ещё столько голавлей натаскали. Я за плёсами такой омут присмотрел!

– Я ещё вернусь, обещаю, – твёрдо сказал Колька. – Теперь у нас машина есть. Попрошу папку, привезёт меня.

– Классно мы за ухой тогда посидели, все вместе.

– Ага, весело было, и уха – пальчики оближешь.

– А то, знай наших!

–...И никакой водки, – думая о чём-то своём, произнёс Колька.

– Я тоже дивлюсь, батя с того раза, вообще про неё не вспомина-

ет, – Митька потёр ухо и поморщился, скорчив шуточную гримасу.

– А мой теперь с нами будет жить, мама так и светится, глаза весёлые.

– А ты?

– Я? – задумчиво переспросил Колька. – Я тоже рад, но особенно за маму.

– У меня мамка тоже плакать перестала. Скажу по секрету, – Митька понизил голос, – папка согласился кодироваться ехать, в район.

– Это как?

– Не знаю, что-то против водки.

Мальчишки ненадолго замолчали.

– Колька, замри, – прошептал Митька. – Над тобой мотылёк кружит

Колька скосил глаза. Мотылёк сел на его плечо

– Вот скажи, Митька, у тебя есть мечта? – также шёпотом спросил Колька, стараясь не шевелиться, чтобы не спугнуть мотылька.

– Какая? – не понял Митька.

– Ну, мечта, самая сокровенная. Неужели не понимаешь? – вполголоса торопливо уточнил Колька. – Или желание.

– Есть, конечно, – наконец-то догадался Митька.

– Загадывай скорее! И закрывай глаза!..

Оба одновременно крепко зажмуриваются.

Мотылёк по-прежнему неподвижно сидит на Колькином плече...

---

¹ Морянка – южный (юго-восточный) ветер на Волге, дующий с Каспия и приносящий ненастье.

КОШЕЛЁК

Второклашки Валерка с Алёшкой стояли напротив Ромки и недовольно стреляли глазами по сторонам. Все трое шумно дышали и смахивали пот с разгорячённых лиц. Долговязый Валерка, на полторы головы выше всех, первым перевёл дух и свысока впился пронзительным взглядом в Ромку:

– Ну, Мелкий, не избежать тебе взбучки.

– Ага, не избежать, – добавил пухлощёкий Алёшка и расправил плечи. Сейчас он точно походил на мыльный пузырь.

– Смотри, Круглый, лопнешь, – ответил дерзко Ромка, опасливо покосился на внушительные кулаки Лёшки и на всякий случай отступил на шаг. – Что, сила есть – ума не надо?

– Вот огребёшь от нас тумачков, будешь знать! – Валерка махнул рукой, пытаясь с высоты своего роста выдать «леща» Мелкому.

Но Ромка и тут увернулся, отпрыгнул назад, упёрся спиной в кирпичную стенку гаража. Отступать дальше некуда.

– А я говорил, надо по стрелке бежать, – пробурчал Алёшка. – Но ты меня не послушал. Давай за Ромкой, давай за Ромкой, он «разбойников» не упустит. И где теперь эти «разбойники»? – обречённо развёл руками. – Опять мы продули? Так и будем всю неделю в «казаках» ходить. Вот Галка над нами ухочется.

– А чё я-то? Вон кто виноват, – Валерка кивнул в сторону Ромки. – Он впереди всех бежал. Сейчас за это и ответит.

...Дворовая игра «казаки-разбойники» набирала обороты. Трое «казаков» ещё минуту назад

дружно преследовали удирающих «разбойников». Пятиминутный отрыв неуклонно сокращался. Поворот, ещё один... «Разбойники» петляли: нарисованные мелом на асфальте стрелки разбегались и вправо и влево, пытаясь запутать преследователей. Лишь только Ромка, с присущим ему чутьём лидера, безошибочно вёл «казачков» по следу. Мальчишки поддали жару.

Ромка нёсся ровень с Валеркой. Ему легко – вон какие ножищи! И прозвище под стать – «Длинный».

Алёшка пыхтел далеко позади. «Лёха, поднажми», – то и дело бросали через плечо друзья. Он и старался: неуклюже, враскачку. Не зря его в школе дразнили «Круглым» – пухлощёкий, упитанный, словно колобок. Ножки короткие, нелегко поспевать за пацанвой. Зато плечищи, как у богатыря! На пути не становись, снесёт!

Лишь Ромка не чувствовал усталости. Жилистый, юркий, словно уж. Только пятки мелькали. Мелкий он и есть «Мелкий»! Опять Галка будет дразниться из-за его роста и язык показывать. Оторва девка! Всех пацанов во дворе лупит. Она и «разбойниками» командует. Если Ромка не догонит соперников, совсем со света сживёт. Растреплет по всему кварталу, что Мелкий продул девчонке...

...Напряжение среди неразлучной тройцы нарастало.

– Эх вы, друзья, называется, – с досадой выпалил Ромка. – Я вас когда-нибудь подводил? Тебя, Валерка, тебя Лёшка? – обвёл осуждающим взглядом недовольных «казаков». – Думаете, упустил «разбойников»?

– Ну, да-а, – в сомнении протянули оба товарища. Боевой настрой Ромки сбивал с толку.

– А вот и нет! – вызывающе воскликнул Ромка, но вновь сник. – В парк они свернули, туда, где карусели. Сейчас за будкой сгрудились и думают, что нас обхитрили.

– Чего же ты тогда в гаражи нас завёл? – прищурился Валерка.

– Ага, – поддакнул Алёшка.

– Чего, чего? Ничего! Хотел вам тайну открыть, а теперь передумал и не скажу, – Ромка оттолкнулся от стены и, повернувшись спиной к друзьям, медленно побрёл вдоль гаражей.

– Ромка, ты чего? Пстой! – первым не выдержал отходчивый Алёшка. – Мы же сгоряча. Обидно проигрывать.

– Ты чё, и вправду решил, что мы тебя поколотить хотели? – спросил Валерка. – Это всё из-за Галки. Разозлила нас. Мол, не догоните, будете всю неделю за «казачков» вадить. Курица ошипанная!

– Давай пять! – Алёшка пошёл на мировую и протянул руку.

Ромка остановился. Не спеша повернулся и впился осуждающим взглядом в неверных друзей. Немая тишина на несколько мгновений повисла в воздухе. Парнишка громко шмыгнул, небрежно мазнул тыльной стороной ладони по носу:

– Будь по-вашему! – примирительно сказал он, шагнул вперёд и звонко шлёпнул по протянутой руке. От былой досады не осталось и следа.

– Тайну-то теперь откроешь? – нетерпеливо выпалил Валерка.

Ромка запустил руку в карман шорт, пару секунду помедлил, всем своим важным видом

«нагоняя тумана», и... вытащил кошелёк. Полукруглый, чёрный, из потрёпанной временем кожи. Дрожащими пальцами щёлкнул накрест сомкнутыми стальными застёжками. Кошелёк распахнулся и... На лицах Алёшки и Валерки брови поползли вверх, рты приоткрылись от удивления... В глубине кошелька блеснули медные и серебристые монетки. Довольный произведённым впечатлением, Ромка перевернул кошелёк, и содержимое полетело прямо на пыльную дорогу. Во все стороны покатились мелочь. Чего тут только не было: и пятаки с тройками, и двушки с копейками, даже несколько гривенников и пятнашек. Следом, медленно планируя, приземлилась под ноги смятая купюра. Валерка тут же схватил её и развернул.

– Рубль! – выдохнул Алёшка. – Настоящий!

– А ты как думал! – Ромка не спеша принялся собирать разлетевшиеся монеты и складывать в кошелёк.

– Откуда такое богатство? – Валерка до сих пор не мог прийти в себя.

– Откуда, откуда! От верблюда! – усмехнулся Ромка. – Помните, я вас на повороте, около магазина, обогнал. Там и подхватил. У обочины в пыли валялся. Даже мельком заглянуть успел, – гордость переполняла его.

– Ты теперь настоящий богач! – с завистью произнёс Валерка. – И что делать с богатством будешь?

– Мамке отдашь? – прямодушно спросил Алёшка.

– Не знаю, – неуверенно протянул Ромка.

– Ну, конечно, ты же у нас всегда борец за правду, за честность, – не отступал Валерка. –

Вот я бы нашёл применение таким деньжищам.

– Какое? – хором удивились мальчишки.

– Конфет бы закупил и на всех разделил. Честно и поровну! – Валерка с вызовом посмотрел на друзей и добавил: – Чтобы справедливо было, и никто жадиной не обзывал.

– Классно придумал! – поддержал Алёшка.

– А я никогда и не был жадиной, – вскинулся Ромка. – Вот сейчас все вместе в гастроном пойдём и конфет накупим!

– Ура! – захолопали в ладоши Валерка с Алёшкой. – Даёшь праздник живота!

– Только сначала понеслись в парк, зайдём к будке с тыла и наркнём всю банду «разбойников», – рассудительно сказал Ромка.

«Разбойники» валялись на траве за трансформаторной будкой и лениво лузгали семечки. Галка строгала перочинным ножиком кусок сосновой коры. По её нервным движениям можно было понять – вожак нервничает. Рука дёрнулась, и ножик вновь соскользнул. Задуманная поделка не получалась. Галка сердито отбросила кору и огляделась по сторонам.

Мысли роем вихрились в девчачьей голове. Время вышло, «казаки» не появились. Казалось, можно радоваться. Её команда выиграла, успешно скрылась и готова праздновать победу. Тем более и срок прошёл немалый. Но что-то настораживает. Соперники опытные, а ведёт их Мелкий – извечный противник и просто тупой мальчишка. Впрочем, как и все остальные. Нет, этот

отличается от всех. Непоседливый, дерзкий, к тому же тощий и вихрастый. Вот бы его поколотить как следует. Чтобы не задавался и язык не показывал. Все мальчишки во дворе её боятся. Так по шее дать может – мало не покажется. Один этот, зазнайка, не боится. Ну ничего, ещё своё получит!

Настроение у предводителя «разбойников» и вовсе упало. Даже победа не радовала. «И чего я всё об этом коротышке», – раздражённо подумала Галка, злясь на самоё себя.

– Всем оставаться на местах, вы окружены! – выкрикнул Ромка, подражая героям фильмов про сыщиков, и выпрыгнул из кустов. Следом вывалились Алёшка с Валеркой. «Разбойники» от неожиданности вскочили на ноги.

– Попались! Думали, не найдём! – выпалил Валерка. – Лёха, хватай главаря!

– Только попробуй! Враз получишь! – Галка сделала шаг навстречу Алёшке. Вид грозной пугалицы со сжатыми кулачками в ситцевом платьишке вмиг остудил порыв мальчугана. – Давно не получал?

– А я чё, я ничего? – забубнил Алёшка, уже пожалев, что поддался на Валеркин боевой клич.

– И вообще, с чего это вы решили, что победили? – Галка продолжала наступать на «казаков». – Мы целый час прождали. Так что победа за нами!

– А вот и нет, не было никакого уговора о времени. И не час, а всего пять минут. Правда, Ромка? – Валерка вопросительно уставился на своего вожака.

– Валерка прав. Уговора не было. Так что, Галка, сдавайся,

твои проиграли, – твёрдо произнёс Ромка.

– Как бы не так, – заупрямилась Галка и обвела упрямым взглядом свою притихшую команду.

То ли внушительные кулаки Алёшки говорили за себя, то ли авторитет Ромки как правдолюба сыграл свою роль, но ощутимой поддержки «разбойников» не наблюдалось.

– Да ну вас! – в сердцах бросила Галка и, повернувшись спиной, зашагала прочь. – А тебя, Мелкий, я ещё проучу! – обернулась и погрозила Ромке кулаком.

– Иди, иди. Думаешь, испугался, – пробормотал вполголоса Ромка, решив не нарываться на гнев соперника.

Галка снова обернулась, яростно сверкнула глазами на Мелкого и, высоко задрвав подбородок, скрылась за кустами цветущей сирени.

Праздник живота удался на славу.

...Мальчишки долго стояли перед витриной булочной и выбирали лакомства.

– Я бы вон тот коржик с удовольствием слопал, – Валерка ткнул пальцем в песочный корж, обсыпанный орехами и сахарной пудрой.

– Ты чё, Валерка, он аж целых двадцать две копейки стоит! – возмущённо зашептал Алёшка. – Надо рожки брать, они всего по пятаку! По несколько штук на каждого. Вкусотища, пальчики оближешь.

– Да не спорьте вы. И так на нас уже все смотрят, – стесняясь, прошипел Ромка. – Всего наберём.

В кондитерском отделе гастронома выбор и вовсе огромен. Глаза

разбегаются от обилия сладостей. Мальчишки остановились на недорогих карамельках за восемьдесят копеек. Ошалевшими расширенными глазищами наблюдали за мелькающим совком в руках продавщицы: бумажный полукилограммовый кулёк с конфетами оказался настолько внушительным, что даже дыхание затаили. Напоследок Ромка не удержался и прикупил несколько штук шоколадного «каракума» по шесть рублей за кило.

Для пиршества прыгнули с обрыва на крышу лодочных гаражей, протянувшихся сплошной лентой вдоль берега. Напротив, из-за реки, ласково пригревало солнце. Вид с гаражей открывался замечательный – песчаный пляж, речка, за ней лес. Никто чужой не беспокоит. По песочному коржику умяли с ходу. После не спеша закусили хрустящими рассыпчатыми рожками с конфетами. Оставшиеся карамельки распихали по карманам.

– Да, давненько я так не пировал, – довольный Алёшка откинулся на спину, забросил руку за голову, а другой лениво поглаживал по животу.

– Сейчас бы газировкой запить, – мечтательно произнёс Валерка и локтем толкнул Ромку в бок. – Ещё не все проели?

– Не, остались медяки, как раз на газировку из автомата, – Ромка вытащил из кармана кошелек и потряс им перед друзьями.

– Чё это вы тут делаете? – внезапно сверху выстрелил знакомый голос.

Мальчишки от неожиданности вскочили на ноги, будто пойманные на чём-то запретном, и дружно обернулись. На обрыве стояла

Галка, демонстративно подоткнув руки на пояс, и грозно смотрела на тройку «обжор».

– Ага, конфеты, значит, трескаем? – с насмешкой произнесла девчонка, уставившись на гору фантиков вокруг пирующих. – И где вы их, интересно, взяли? – в голосе прозвучала издёвка.

– А ну, брысь отсюда! – первым пришёл в себя Валерка.

– Давай шагай, куда шла, – лениво добавил Алёшка, продолжая жевать карамель.

– Ну, ну, не подавитесь, – язвительно выкрикнула Галка. – Смотри, Мелкий, слипнется в одном месте.

– Ах ты, язва! – Ромка сжал кулаки.

– Я всё тёте Рае расскажу, – выпалила Галка, показала язык разъярённой троице, крутанулась волчком и убежала.

– Мамке твоей нажалуется, – растерянный Алёшка посмотрел на Валерку.

– А мы скажем, что Ромка нас угощал на свою днюху, – Валерка вопросительно посмотрел на друга. – Так же, Ромка? У тебя она скоро?

– Ну, да, – Ромка задумчиво смотрел в сторону, куда только что скрылась Галка. – А может, её надо было тоже угостить? У нас ведь конфет полно, – похлопал себя по карманам.

– С какой это стати? Не заслужила, – твёрдо вынес вердикт Валерка.

Алёшка задумчиво почесал затылок.

– Получается, что мы пожадничали. И теперь она будет нас жадинами дразнить, – продолжал рассуждать Ромка.

– И никакие мы не жадины, – не унимался Валерка. – Попросила бы по-хорошему – поделились бы. А так она первая начала.

– Интересно, как определить, кто жадный, а кто нет? – вырвалось у Алёшки.

Друзья с изумлением уставились на него. Глубокомысленных выражений из уст своего товарища они до сих пор не слышали.

– Да просто всё. Подбросить кошелек под ноги. Кто первым схватит, тот и жадный, – Валерка за словом в карман не лез.

– Так-то оно так. Но получается, что и я жадный, если кошелек подобрал, – сказал неуверенно Ромка.

– Ты не в счёт, – вступился за друга Валерка. – Ты же в пылу игры его подхватил? Верно?

– Ну, так.

– Значит, и не думал о деньгах. Это называется – подобрал на автомате, то есть неумышленно.

– Ну ты, Валерка, и мозг! – уважительно произнёс Алёшка. – Всё по полочкам разложил. Правда, Ром?

– Вроде бы верно, – в голосе по-прежнему звучали нотки сомнения.

Идея Валерки захватила всех. Воплотить в жизнь решили сразу. Но прежде долго стояли перед автоматом газированной воды, бросали в узкую щель монетки и со всей дури, подражая взрослым, лупили по большой чёрной кнопке, после терпеливо ждали, пока наполнится гранёный стакан сладкой водицей. Жадно «проглотив» по стакану газировки, утолили жажду.

– Всё, пусто, – подытожил Ромка, в очередной раз заглянув в

кошелёк. – Проели и пропили подчистую аж рупь шестьдесят!

– Не страшно, карамельками догонимся, – сказал Валерка. – Пора приступать к нашему эксперименту, – в предвкушении забавы азарт нарастал.

Ромка сгонял домой, притащил катушку серых ниток, примотал к застёжкам кошелька. Неразлучная троица затаилась в кустах у тротуара. Кошелёк подбросили на обочину, поближе к траве. Доверили Валерке держать за конец нитки. Если кто наклонится – не зевать, тут же дёргать. Замерли.

Неторопливые редкие пешеходы проходили мимо, не обращая внимания на наживку. Вот показались две девочки-старшеклассницы в школьных фартуках. Поравнялись с кошельком.

Валерка напрягся. Вдруг одна остановилась, пригляделась и присела на корточки, потянувшись к наживке... Под громкий вскрик «тяни» Валерка дёрнул за нитку. Прямо из-под руки школьницы кошелёк мгновенно ускользнул в кусты. За стеной зелени раздался громкий смех и топот убегающих ног.

– Жадины, жадины, – мальчишки заливисто хохотали и упивались результатом.

Старшеклассницы в ответ покрутили пальцем у виска.

Дальше дело пошло и вовсе по накатанной. За полчаса на незамысловатую уловку попались многие. За девчонками – мужчина с женщиной среднего возраста, идущие под руку. Причём женщина некоторое время стояла в растерянности, пока мужчина пытался поднять кошелёк, и долго с недоумением смотрела вдогонку удирающим проказникам. Следом

«клюнула на приманку» пожилая женщина. Близоруко прищурилась сквозь очки, наклонилась и...шарахнулась в сторону от «убегающего» кошелька, крестясь со словами «свят, свят».

После отметилась и малышня из соседнего двора. Троица долго кружилась вокруг них, дразня и приговаривая «жадины».

– Ну что, убедились в моей правоте? – усталый Валерка, довольный результатами эксперимента, оглядел друзей.

– Прикольно повеселились! Здорово придумал, – пропыхтел Алёшка.

– Теперь все пацаны с квартала нашу игру себе присвоят, – ревниво сказал Ромка. – Вот только одного не пойму, – на мгновение задумался, – неужели так много жадин?

Вопрос остался без ответа.

– Ой, Валерка! – воскликнул Алёшка. – Мамка твоя с работы идёт!

Ребятня затаилась. Убегать было поздно. Тётя Рая поравнялась с кустами, остановилась и наклонилась за лежащим в пыли кошельком. Растерявшийся на секунду Валерка резко дёрнул за нитку и... Эффекта не произошло: нитка лопнула, кошелёк остался в руках у женщины.

– Удираем! – нетерпеливо крикнул Алёшка.

Мальчишки рванули с места.

– Вале-ра! – протяжный голос женщины заставил Валерку затормозить. Следом остановились остальные.

Тётя Рая стояла на обочине и держала в руке кошелёк. Валерка уныло подошёл к маме, за ним подтянулись и остальные мальчишки.

– Новую забаву нашли? – спросила женщина. – И кто в этот раз застрельщик? – обвела глазами притихшую троицу. – Чувствую, без твоей бурной фантазии здесь не обошлось, – с укоризной посмотрела на сына.

Мальчишки понуро молчали. Первым не выдержал Ромка:

– Да он здесь ни при чём, тётя Рай. Мы вместе эту игру придумали.

– Ага, – подтвердил Алёшка. – Чтобы узнать, кто жадный, а кто нет.

– Это такая проверка на жадность, – оживился Валерка. – Кто поднимет кошелёк, значит, жадина.

– А вы не подумали, что кошелёк с деньгами может обронить любой? Та же старушка, например, у которой маленькая пенсия? Или документы в кошельке кто-то потеряет? – спокойно произнесла женщина и внимательно посмотрела на проказников. – А кто-то другой, наоборот, увидит, поднимет и вернёт хозяину. Доброе дело сделает. Как считаешь, Рома?

– Чесслово, тётя Рай, мы об этом и не подумали.

– Мы просто дурачились, – понуро добавил Алёшка. – Больше не будем.

– Так подумайте, подумайте, иногда это бывает очень даже полезно, – тётя Рая протянула Ромке кошелёк. – Через час ужинать, – строго посмотрела на Валерку и направилась к дому.

Мальчишки медленно брели по обочине и молчали. Радужное настроение улетучилось. Каждый думал о чём-то своём. Ромка нервно теребил в руках потёртый кошелёк – виновник последних

событий. Со стороны казалось, что он обжигает мальчишке руки.

– Ну-ка дай его мне, – Валерка забрал кошелёк у Ромки.

Распахнул, внимательно исследовал содержимое, и ничего не найдя внутри, протянул обратно:

– Нет в нём никаких документов. И не было.

– А как быть с пенсией? – Ромка в упор посмотрел на друга.

Ответа не дождался. Стыдливый румянец заалел на щеках мальчуганов.

– Я знаю, что делать, – внезапно сказал самый молчаливый – Алёшка.

– Что? – Валерка и Ромка остановились и впились в него глазами.

– Мы должны сделать доброе дело.

– Точно! – обрадовался Ромка. – Тогда и вину загладим, и стыдно не будет, что чужие деньги проели.

Друзья принялись оживлённо обсуждать Алёшкино предложение и не заметили, как подошли к своему двору. Прямо перед домом увидели извечного врага – Галку. Девчонка сидела на скамейке, что-то напевая под нос. Рядом возвышалась громоздкая гора из перевязанных старых коробок, стульев, табуретов; среди общей кучи заметно выделялся огромный фикус в керамическом горшке.

– Нарисовались, обжоры, – вновь не удержалась и съязвила Галка.

Ромка собрался было ответить на колкость девчонки, но вместо этого вдруг запустил руку в карман, вытащил конфету и протянул Галке:

– Угощайся.

У Галки от удивления округлились глаза. Принимать подарок она не спешила.

– И с чего мы расщедрились?

– Просто так, – стушевался Ромка.

– Это он свою вину искупает, – захихикали Валерка с Алёшкой.

– Да пошли вы, дураки! – девчонка отвернулась от мальчишек.

Из подъезда вышла седая низенькая старушка и посмотрела на детвору.

– Ой, сколь у тебя кавалеров, Галочка.

– Да они все полоумные, – отозвалась девчонка.

– Ну зачем же ты так. Очень даже хорошие ребята, – старушка заступилась за мальчишек. – Пойдём лучше чай пить. Видать, грузчиков уже не дождётся, из окошка за вещами присмотрю. И кавалеров с собой бери, а я сейчас вареньица достану, – ласково пригласила всю компанию и скрылась в подъезде.

– Кто это? – спросил Ромка.

– Кто, кто, – недовольно буркнула Галка. – Серафима Ивановна, соседка наша новая, напротив заселяется. А я вот помогаю, вещи сторожу, – кивнула в сторону скарба.

– А давай мы вместо грузчиков всё перетаскаем? – неожиданно предложил Ромка.

– Вы? Дохлаки! – в словах Галки прозвучал вызов.

– Шчас тебе покажем дохлаков! – Алёшка с натугой приподнял с земли самую большую коробку и потащил в подъезд.

Ромка схватил табуретку, поставил на неё ещё одну коробку и следом понёс в дом. Не отстал от товарищей и Валерка. Через пятнадцать минут Алёшка водрузил фикус на подоконник в комнате

новосёлки. От внушительной горы пожиток на улице не осталось и следа.

– Ну, тимуровцы, ну помогли, дай вам Бог здоровья! – не переставая, благодарила и причитала старушка, накрывая стол и разливая горячий душистый чай по чашкам. – Берите вареньице, не стесняйтесь.

Детвора потянулась ложками к угощению.

– Малиновое, клубничное – волновалась и суетилась бабуля. – Вот только конфеток нет. Потеряла сегодня кошелёк с последними копейками, когда в магазин ходила. Да ничего, завтра уже и срок подходит – новую пенсию получать.

Мальчишки замерли, так и не успев донести варенье до рта.

– Чёго это вы окаменели? – Галка настороженно обвела взглядом пацанов.

Ни слова не говоря, Ромка принялся выкладывать на стол конфеты из карманов. За ним опустошили карманы и Валерка с Алёшкой. На столе красовалась горка карамелек.

– Откуда ж такое богатство? – всплеснула руками Серафима Ивановна и с улыбкой посмотрела на мальчишек.

Друзья молчали, опустив глаза в пол. Вслед за конфетами Ромка выложил на стол старый кошелёк.

– Ох ты, Боже мой! – воскликнула старушка, взяла кошелёк, поднесла поближе к глазам. – Точно, мой! Всю жизнь с ним проходила, всем сердцем приросла. – Ой спасибо вам, ребяташки, порадовали бабушку.

– Вы простите нас, Серафима Ивановна, – Ромка встал из-за стола. – Только мы все деньги потратили на эти вот конфеты, – кивнул

на карамельки. Но вы не думайте, мы вернём всё до копейки, там в кошельке рупь шестьдесят было, — выпалил на одном дыхании.

— Обязательно вернём, — подхватили Валерка с Алёшкой.

Старушка обвела ласковым взглядом мальчишек, улыбнулась краешком губ и погладила Ромку по голове маленькой сухой ладошкой. Мальчишки стояли, по-прежнему опустив глаза в пол. И только одна Галка успела заметить крошечную слезинку, блеснувшую в добрых глазах Серафимы Ивановны.

— А и не надо никаких денег. Вы их сегодня уже отработали и даже с лихвой! Вон какую гору вещей перетаскали, — старушка махнула рукой в сторону коридора, заставленного скарбом. — Я без вашей помощи на грузчиков

больше бы потратила. Так что будем считать, свой грех вы уже искупили. А за кошелёк вам низкий поклон.

Не веря своему счастью, мальчишки осторожно, с опаской, подняли глаза и посмотрели на Серафиму Ивановну.

— Да что ж это я, старая, разболталась, чай-то, поди, остывает! — старушка подошла к каждому из мальчишек и, бережно опустив руки на плечи, вновь усадила за стол.

Через несколько секунд ребячья уже дружно работала ложками, наворачивая ароматное варенье, и шумно запивали чаем.

И только Ромка вздрогнул от ошутимого толчка локтем в бок.

— Я тебе припомню конфетку, Мелкий! Мало не покажется! — прошипела Галка.

ШУГУ МОРОЗИТЬ

На выходные Ромка остался в гостях у друга. Мальчишки закончили домашнее задание и радостно, смеясь и дурачась, отбросили в сторону тетрадки. Уроки сделаны, можно и расслабиться!

За окном сквозь рассеянную пелену влажного горного воздуха пробивались редкие лучи холодного декабрьского солнца.

Бросив взгляд на улицу, ни слова не говоря, подростки ринулись надевать незамысловатые пальтишки и через пару минут весело перекидывались снежками и кувыркались в снегу.

Колкий морозец лениво покусывал ребячьи лица, заставляя мальчишек время от времени растирать покрасневшие щёки и прикрывать варежками шмыгающие носы.

— Сегодня на горку или коньки проверим? — предложил Ромка.

Ему не терпелось покататься на коньках, которые пару дней назад случайно увидел в портфеле у Вовки. Не просто ботинки на лезвиях — настоящий раритет! Поверх лезвия продольные и поперечные планки да завязки тряпичные с обеих сторон. В родном городе в таких, точно, на смех поднимут!

А здесь все мальчишки и девчонки с удовольствием на них катаются. Привязывают к валенкам и вперёд – выписывать змейки и крутить волчки. Ничуть не хуже, чем по телеку показывают. Одна Маринка в настоящих белоснежных ботиночках на острых лезвиях красуется перед ребятнёй. Словно принцесса или королевишна! Так ей недавно родители привезли из города!

Ромка не умеет кататься на коньках – не научился в раннем детстве.

На днях Вовка добровольно принял на себя роль наставника. Привязал коньки к валенкам и предложил другу по ровному снегу пройтись.

Ромке понравилось: валенки высокие, колени защищают, не дают ногам подвернуться. Устойчиво, надёжно! Теперь дело за катком. Только на основном русле Катуня лёд ещё не встал, перехватывает берега исключительно на плёсах. До протоки, где каток деревенский, идти далеко...

– Пойдём лучше шугу морозить! Смотри, сколь её по воде плывёт, – махнул в сторону Катуня Вовка. – Да и домой возвращаться за коньками лень.

Друзья спустились к реке. По поверхности воды, искрясь снежными кристалликами и отбрасывая блики от редких лучей солнца, скользили небольшие кусочки льда. Рядом с тропой Вовка подобрал метровую берёзовую палку в палец толщиной и протянул Ромке.

– Держи! Без неё тебе не обойтись. Надеюсь, в своём городе научился умело шугу морозить? – с хитрецей улыбнулся, наблюдая за другом.

Ромка с недоумением крутил в руках бесполезное орудие. Он

когда-то читал или слышал, что такое шуга. Проплывающие перед ледоставом рыхлые льдинки исключали двойное толкование. Но что значит «морозить» и как это делается, не имел ни малейшего понятия.

Выглядеть «незнайкой» перед товарищем казалось постыдным.

Ромка уверенно вскинул палку и резко опустил её на ближайший островок льда. От удара льдинка рассыпалась на мелкие кусочки. Некоторые из них мгновенно поглотила водная пучина. Большинство же осколков, игриво кружась в водоворотах, понеслись далее, словно издеваясь и смеясь над немелой попыткой мальчишки.

– М-да, – лукаво прищурился Вовка. – И чему вас, городских, учат! С твоими способностями много не наморозишь! Вставай рядом со мной и смотри!

Выломав гибкий прут из прибрежного ивняка, он дотянулся до плывущей льдинки и ловким аккуратным движением притянул её к береговой кромке льда. Придержал на мгновение, и... льдинка «приклеилась» к другим, которые смёрзлись сами!

– Уловил, что делать? – Вовка вновь хитровато подмигнул товарищу. – Теперь не зевай, приступай морозить дальше. Я рядом стану. Кто быстрее и больше наморозит, тот и выиграл!

Друзья наперегонки бросились ловить льдинки.

Одна, вторая, третья, ещё...

– Моя!

– Нет, моя. Я первый её заметил!

– А я первым до неё дотянулся!

И вот перед каждым из мальчишек на расстоянии вытянутой руки вырос целый ледовый материк.

– Ура, я победил! – воскликнул Ромка, удачно зацепив и пришвартовав к берегу округлую льдинку размером с большое блюдо. Но она тут же раскололась на куски и, прихватив с собою добрую половину рукотворного континента, унеслась вниз по реке.

– Сдавайся, неумеха, – прокричал в запале Вовка. – А теперь движемся навстречу друг другу! Соединяем берега!

Через несколько минут довольные соперники скрепили ледовым перешейком берега обоих материков и, признав боевую ничью, шутливо «ударили по рукам».

– Ну и видок у тебя! – рассмеялся Вовка, оглядывая друга.

Посеребрённый инеем воротник, сдвинутая на затылок ушанка, румяное лицо... Ромка натужно стащил с окоченевших рук покрытые коркой льда насквозь мокрые рукавицы и демонстративно по-

тряс ими в воздухе.

Вовка присел на камень и с небольшим усилием сдёрнул валежник с ноги. Подражая недавнему противнику, он перевернул обувку голенищем вниз. Ручеёк талой водицы заструился на притоптанный снег.

– Ох, и влетит нам от мамки, если узнает! Летим печку топить и сушиться!

Толкаясь плечами, друзья бросились домой.

Лёгкий студёный ветерок окончательно разогнал туманную дымку.

За спиной мальчишек, выделяясь белоснежным пятном на тёмной глади воды, оставался сверкающий заберег, магнитом притягивая к себе всё новые и новые проплывающие льдинки. Мороз усиливался.

Через пару дней берега горной реки сковал первый тонкий лёд.

